КИЕВСКИЕ
ТРУЩОБЫ
Т. 1ч

КІЕВСКІЯ
ТРУЩОБЫ,

НОРЫ, ГОРЫ И ОВРАГИ, КІЕВСКІЯ МЫТАРСТВА
КІЕВСКІЙ РАЙ И АДЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Сементовскаго.
1868.

КІЕВСКІЯ ТРУЩОБЫ,

НОРЫ, ГОРЫ И ОВРАГИ, КІЕВСКІЯ МЫТАРСТВА КІЕВСКІЙ РАЙ И АДЪ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ I.

КІЕВЪ
Типографія Сементовскаго.
1868.

Дозволено цензурою. 25 іюня, 1868 г. Кіевъ.

КІЕВСКІЯ ТРУЩОБЫ.

КІЕВСКІЯ ТРУЩОБЫ.

I.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣкогда, когда-то, во время оно, давнимъ давно, жили въ Кіевѣ русскіе, нѣмцы, французы, поляки, евреи, татары, цыгане.... жили князья, графы, генералы и разныхъ чиновъ военные и гражданскіе люди; жили ясне вельможные магнаты и паны; жили богатые и бѣдные, умные, добрые, честные и глупые; злые и пройдохи; жили знаменитые великіе люди, геніи въ своемъ родѣ и малые мушки и букашки; жили, дѣйствовали, любили и ненавидѣли другъ друга, пировали и голодали, играли, выигривали и проигривали; жили, какъ всегда и вездѣ жили и живутъ люди съ своими страстями,

недостатками и заблужденіями; жили и сошли съ поприща жизни туда куда и мы съ тобою читатель сойдемъ, ибо, помни, что уже и для нашихъ гробовъ дерево выросло. Грустно, но это непреложная истина.

Изъ этихъ строкъ ты узналъ читатель, что я буду повѣствовать о событіяхъ давнымъ давно совершившихся и уже забытыхъ, иначе и не могло существовать настоящее повѣствованіе. Предупреждаю тебя, что въ этомъ повѣствованіи я даю обширный разгулъ моей фантазіи, я буду многое и очень многое вымышлять, сочинять, безъ затѣй скажу, я буду лгать; если это тебѣ не любо не читай, по мнѣ лгать не мѣшай.

Ты спросишь меня:—Какая же цѣль моя лгать? Отвѣчаю:—позабавить тебя разсказомъ и этимъ принести тебѣ хотя малѣйшую нравственную пользу. Если личности вымышлены, если и самое событіе не представлено въ такомъ точно порядкѣ въ какомъ оно совершалось, то это еще незначитъ, что оно не могло совершиться такъ или иначе; что отъ этого разсказа не будетъ нравственной пользы для тебя и для общества. Съ какой бы стороны не посмотрѣть на язву, все она язва, и все мы ее увидимъ и опредѣлимъ ея вредъ на-

носимый организму. Мы недолжны бояться раскрытія нашихъ общественныхъ язвъ; напротивъ, намъ слѣдуетъ изслѣдовать прошлыя общественныя немощи и трактовать объ нихъ. Изучая болѣзнь, мы будемъ находить и средства ослаблять и даже совершенно уничтожить наши злокачественные недуги.

Ты увидишь читатель, въ этомъ повѣствованіи наружно добрыхъ—въ сущности злыхъ, наружно бѣдныхъ и въ сущности богатыхъ людей, и на оборотъ. Роскошный снопъ соломы и я, какъ и другіе авторы отечественной *трущобщины*, подношу тебѣ читатель и, если въ этомъ снопѣ окажется хотя и одно зерно пшеницы, я буду счастливъ. И это единственное зерно современемъ, и въ добрыхъ рукахъ, можетъ принести обильную и благодатную жатву.

Не напрасно скитался я по всѣмъ нашимъ вертепамъ; не даромъ изслѣдовалъ норы и овраги, попадалъ въ трущобы, влачился по мытарствамъ, достигалъ рая, нисходилъ въ адъ. Не безъ цѣли вмѣпялся со беззаконниками; право, это я дѣлалъ единственно для того, чтобы представить тебѣ настоящее повѣствованіе. Тяжко мнѣ было дышать воздухомъ въ трущобахъ

и норахъ; испытывать и выносить чувства оскорбляющія человѣческое сердце; но знаешь ли, я и въ кіевскомъ адѣ встрѣчалъ человѣка и въ кіевскомъ раѣ находилъ такую личность, душа которой чернѣе сажи.....
Читатель, ты меня незнаешь; личность моя тебѣ даже не интересна; ты ошибаешься, если приписываешь это повѣствованіе знакомому тебѣ лицу; истиннаго повѣствователя ты никогда не откроешь, да и нѣтъ тебѣ нужды знать личность автора; читай книгу незная автора, и тебя будетъ болѣе занимать это повѣствованіе.

Еще разъ повторю: неожидай отъ меня нападокъ на совершающіяся событія, повѣствованіе представляетъ тебѣ фактъ совершившійся а не совершающійся. Настоящее не подлежитъ современному разбору; это дѣло будущаго; прочти мой эпиграфъ и читай о томъ, что подлежитъ современному сужденію, это:

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой.

II

ГЕНЕРАЛЪ, ТАКЪ СЕБѢ, ПО ПРОЗВАНІЮ ГЕНЕРАЛЪ.

Вначалѣ было, а что было право и самъ авторъ незнаетъ какое сказать слово.... Вначалѣ было то, что и вездѣ существовало и существуетъ: *ничто не ново подъ луною*—истина неопровержимая.

Если же необходимо для исторіи опредѣлить время начала этихъ событій, хотя по кіевскимъ календарямъ, то надобно замѣтить, что всѣ событія совершились за долго и очень за долго до появленія знаменитыхъ кіевскихъ календарей: *хозяйственнаго*, всегда вѣрно предсказывающаго погоду и урожаи и *народнаго*, прибавившаго семь дней въ году. Совершились эти событія еще ранѣе перваго полнаго нашествія на богоспасаемый градъ Кіевъ *божьяго народа*—въ длиннополыхъ черныхъ кафтанахъ; этотъ народъ, впрочемъ,

пе *черные клобуцы*, о коихъ повѣствуетъ лѣтописецъ, но народъ, неизвѣстно какимъ путемъ, путешествуя въ Палестинѣ, попалъ въ новую палестину свою— Кіевъ и заселилъ всю древнюю мѣстность *болонья* или *оболонья*, и пустившій обильные корни и вѣтьви своего коренастаго и вѣтвистаго древа. Слѣдовательно, представляемыя событія совершались при появленіи первыхъ палестинскихъ соглядателей новой палестины, что также было давно и очень давно, когда кіевская атмосфера не дышала еще *тишью*, *гладью и божью благодатью*.....

Вначалѣ Кіевъ былъ маленькимъ городкомъ, но былъ страшенъ византійцамъ, и даже нѣкогда, впрочемъ очень давно, кіевскій князь Олегъ, прибилъ щитъ къ вратамъ цареградскимъ, чтобы византійцы знали, что *мы кіевляне*. Потомъ и кіевлянамъ порядочно доставалось отъ незванныхъ и непрошенныхъ гостей; но самый страшный врагъ для Кіева и кіевлянъ—сами *кіевляне*; объ этомъ мы и поведемъ рѣчь.

Вначалѣ Кіевъ былъ маленькимъ городкомъ, а потомъ и большимъ; спачала человѣкъ, пока онъ дитя, его кормятъ молочкомъ, окутываютъ въ пеленки, а по-

томъ ему надѣваютъ рубашенку, панталонцы и шапочку, а потомъ онъ уже и самъ одѣвается;—сперва дитя учится говорить, а выростетъ человѣкъ и станетъ лгать. Все и всегда идетъ къ прогрессу. Такъ и славный нашъ Кіевъ, росъ, росъ и выросъ: изъ малаго города явилось пять городовъ, разъединенныхъ между собою горами и оврагами, а среди этихъ городовъ, овраговъ, горъ, находятся кіевскія трущобы, поры, мытарства, кіевскій рай и адъ....

Къ существовавшей нѣкогда, во время оно, въ Кіевѣ гостинницѣ, содержавшейся добрымъ и честнымъ французомъ месье Фильдекосомъ совокупно съ мадамъ Амандою, въ четыре часа по полудни, подкатилъ тяжелый дормезъ, запряженный восьмю почтовыми клячами, противъ тучности, которыхъ фараоновы коровы могли щеголять полнотою. Изъ дормеза вылѣзли... но кто вылѣзъ, объ этомъ рѣчь впереди, главное вылѣзли.....

Впрочемъ я заранѣе открою тебѣ, читатель: вылѣзъ генералъ, такъ себѣ, только по прозванію генералъ, а въ сущности кто онъ, то это узнаешь въ продолженіе моего длиннаго повѣствованія:

III.

НАШИ ГЕРОИ ПРІѢХАЛИ НА КОНТРАКТЫ.

Изъ дормеза вылѣзли: рослый и довольно плотный, красивый мущина, лѣтъ двадцати пяти, за нимъ привлекательной наружности, высокаго роста дама, которой по виду, оканчивался другой десятокъ лѣтъ жизни. Она была окутана въ богатую, черно-бурыхъ лисицъ шубу, на головѣ черный атласный капоръ; мущина окутанъ въ медвежью шубу, воротникъ которой показывалъ, что господинъ долженъ быть если не ясневельможный, то вельможный и очень богатый *панъ*. Въ богоспасаемый градъ Кіевъ пріѣздъ этотъ совершился при пятнадцати градусномъ морозѣ, двѣнадцатаго января, т. е. въ день именинъ многихъ Татьянъ, Тань, Танечекъ, Тетти и проч.

Высокій, внушительной физіономія гайдукъ, сопро-

вождавшій красивую чету, былъ одѣтъ въ волчью шубу и опоясанъ краснымъ поясомъ. У входа въ гостинницу, которая сколько помнитъ авторъ, носила фирму: «Grande Hôtel Victoria», пріѣзжихъ встрѣтилъ приземистый швейцаръ и стоявшій у подъѣзда, рыжій, тощій, сгорбившійся и дрожавшій отъ холода жидокъ; его длинные пейсы, жиденькая, клинообразная бородка и разбѣгавшіеся во всѣ стороны, темноватаго цвѣта узенькіе глаза, ясно говорили, что профессія жидка—мишуреса, для всѣхъ и на все служить, имѣя въ виду единственно заработать *кербель.*

Когда пріѣзжіе входили въ коридоръ гостинницы, жидокъ, снявши свою истасканную лисью шапку, съ плисовымъ, порыжѣвшимъ отъ времени верхомъ, отвѣсилъ пріѣзжимъ самый низкій поклонъ.

— Есть-ли свободные нумера?—спросилъ пріѣзжій, обратясь къ швейцару.

— Есть, есть, пане енералѣ, — поспѣшая впередъ швейцара, отвѣтитъ жидокъ.

— Мнѣ нужно хорошее помѣщеніе,—сказалъ пріѣзжій съ самодовольною улыбкою услышавъ, что жидъ величаетъ его генераломъ.

— Есть два свободные нумера, № 1-й и 2-й; пожалуйте-съ.

— Пане енералѣ, вшистко для яснего пана, бендзѣ досконалѣ, и нехъ ясны панъ вежи на суменіе, недрого.

— Мнѣ нужно хорошее помѣщеніе,—вразумительно повторилъ пріѣзжій. — Ты вѣрно здѣсь мишуресъ или факторъ?

— Я, пане енералѣ, естемъ факторъ; я бѣдный жидекъ Іось, о, мнѣ вшистекъ Кіювъ зна; я завше паномъ енераломъ, цалему ясневельможнему паньству служе; я, я....

— Ты мнѣ будешь нуженъ,—серіозно проговорилъ пріѣзжій господинъ.

Вошли въ темную переднюю комнату, изъ которой три двери вели: одна въ общую столовую, другая въ № 1 и третья, входная, съ галерею. Въ передней, за кассой изъ краснаго дерева, сидѣла довольно плотная женщина, брюнетка, лѣтъ двадцати, очень недурной наружности; передъ нею, на кассѣ, лежали развернутыя книги, нумерная и кассовая. Это была мадамъ Аманда.

— Что вамъ угодно?—безъучастно и даже съ досадой, ломанымъ русскимъ языкомъ, спросила мадамъ Аманда.

— Панъ енералъ потржебуе два самыхъ досконалыхъ нумера.

— Покажи,—проговорила холодно мадамъ, обратясь къ швейцару.

— Пожалуйте-съ,—вотъ первый нумеръ,— сказалъ швейцаръ, растворяя дверь.

— Пріѣзжіе вошли въ довольно обширную и недурно меблированную комнату, за которою въ другую дверь виднѣлась смежная комната.

— Это помѣщеніе для насъ тѣсное; какъ думаешь, Аннета?

— Очень нероскошное; гдѣ же спальня?

— Вотъ и спальня,—сказалъ швейцаръ, указавъ на смежную комнатку, въ которой стояла кровать за зеленою, шелковою ширмою.

— Если бы двѣ такихъ комнаты и для насъ довольно.

— Есть пане енералѣ, есть яснывельможны пане и еще два такихъ покоювъ; отъ држви до нихъ...

— Извольтесь взять второй нумеръ и будетъ четыре, комнаты. Вотъ посмотрите-съ,— проговорилъ швейцаръ отворивъ дверь въ сосѣдній нумеръ.

— Этого помѣщенія, кажется, достаточно; какъ полагаешь, Аннета?

— Достаточно,—сухо отвѣтила Аннета.

— Цѣна?

— Въ сутки, за два нумера, сто рублей. Каждый нумеръ отдѣльно теперь ходитъ по пятьдесятъ рублей.

— Августъ, вѣдь это страшно дорого; взгляни какая дурная меблировка; мы въ Одессѣ платили гораздо дешевле, и какое тамъ роскошное помѣщеніе.

— Другъ мой, теперь въ Кіевѣ контракты; содержатели гостинницъ пользуются случаемъ и берутъ что хотятъ за квартиры; эта гостинница лучшая въ городѣ; упустимъ такое помѣщеніе и будемъ жалѣть.

— Какъ хочешь, Августъ.

— Останемся здѣсь. Обратясь къ швейцару сказалъ Августъ:—хорошо, мы занимаемъ эти нумера.

— На какое время изволите занять-съ?

— Полагаю, недѣли на двѣ, а можетъ быть и долѣе.

— Слушаю-съ. Позвольте узнать ваше имя и отчество; у насъ такой порядокъ: сей часъ слѣдуетъ вписать пріѣзжихъ на доску, кто и въ какомъ нумерѣ квартеруетъ.

— Вотъ моя подорожная.— Пріѣзжій вынулъ изъ боковаго кармана бумагу и подалъ швейцару.

Швейцаръ вышелъ изъ комнаты и въ передней отдалъ подорожную мадамъ, сидѣвшей за кассою. Мадамъ сдѣлала кислую гримасу, развернула подорожную и еле, еле разбирая, читала: по собственной надобности, отставному ротмистру Августу фонъ-Вральману, отъ Харькова до Кіева, подъ собственный экипажъ, съ будущими, на шесть лошадей.

— Значитъ немсы а не поляки,—съ досадой проговорила мадамъ.

— Два нумера заняли,—произнесъ швейцаръ.

— Цѣну сказалъ?

— Сто рублей въ сутки.

— Ну, да, сто рублей; ступай, я вышлю записку для рамки.

Швейцаръ ушелъ.

У дверей перваго нумера Іось стоялъ въ самомъ униженномъ положеніи, ожидая приказанія отъ фонъ Вральмана, котораго онъ, по своему обыкновенію, произвелъ изъ отставныхъ ротмистровъ въ генералы.

— Любезный другъ, передай человѣку моему прика-

заніе скорѣе и осторожнѣе вносить сундуки, вализы, а прежде всего принести шкатулки. Распорядись, чтобы помочь моему человѣку.

— Слухамъ, пане енералѣ;—отвѣтилъ Іось и быстро скрылся за дверью.

— Въ отсутствіе жидка Августъ фонъ Вральманъ, сбросивъ на стулъ свою тяжелую шубу и, началъ помогать Аннетѣ снимать съ нее одѣяніе.

— Кажется здѣсь очень жарко, — сказала Аннета, снявъ шубу и капоръ.

— Съ холода такъ кажется.

Аннета освободясь отъ верхней одежды, явилась въ черномъ, шелковомъ платьѣ, опоясанномъ у таліи широкою, темно фіолетовою лѣнтою. Черные ея волосы, густыми прядями, въ пріятномъ безпорядкѣ, падали на ея прекрасное, бѣлое, съ оттѣнкомъ самой нѣжной желтизны, овальное лице; острый и прямой носикъ, маленькія губки, большіе выразительные черные глаза, слегка подернутые какою то страстною влагою, составляли красоту, которая такъ рѣдко встрѣчается и такъ неодолимо приковываетъ къ себѣ взоры и чувства мущинъ и женщинъ. Этотъ ликъ ясно говорилъ, что

Аннета должна быть доброе и нѣжно-любящее созданіе. Аннета бросилась въ кресло.

— Я устала,—со вздохомъ проговорила Аннета.

— Отдохни, мой другъ.

Между тѣмъ въ комнату гайдукъ внесъ одну, а за нимъ слѣдомъ Іоська другую шкатулку.

— Поставьте здѣсь,—сказалъ фонъ Вральманъ, указавъ на два ломберные столика, стоявшіе подъ зеркалами. Вносите скорѣе сундуки.

— Заразъ, заразъ, ясны пане; а якъ вони цѣнькие те, скатулка,—проговорилъ жидъ, крехтя отъ тяжести принесенной шкатулки и быстро вышелъ за гайдукомъ изъ комнаты.

Минутъ черезъ пять два ямщика едва, едва втащили одинъ, обитый черною кожею, сундукъ.

— Тяжелъ? — съ замѣтною улыбкою спросилъ фонъ Вральманъ.

— Ничаво-съ, маненько тяжеленькій!—отвѣчалъ ямщикъ.

— Вслѣдъ за первымъ сундукомъ, гайдукъ, при помощи Іося, втащилъ другой меньшій сундукъ и поставили, по приказанію фонъ Вральмана, въ спальной комнатѣ.

— Вносите остальныя вещи; а карету гдѣ поставите?

— Есть, пане енералѣ, возовня для кареты, нехай ясны панъ бендзѣ спокойны; вшистко бендзѣ цало.

— Хорошо, только скорѣе управляйтесь.

Въ продолженіе четверти часа были снесены вализки и остальныя вещи.

— Япъ, надобно позаботиться о квартирѣ для кассира,—сказалъ серіозно фонъ Вральманъ.

— А тржеба панѣ еще еденъ нумеръ;—чы есть еще яки покой?—спросилъ гайдукъ Япъ, обратясь къ Іосю.

— Для пана кассира?—а заразъ бендзѣ покой. Нехай панъ енералъ бендзѣ спокойны.

— Спроси, Іось, отдѣльный нумеръ.

— Іось опрометью бросился исполнить приказаніе пана енерала.

IV.

ЖИДЪ И ДЕНЬГИ.

Фонъ Вральманъ отперъ одну изъ шкатулокъ и тщательно осматривалъ ея внутренность. Въ то мгновеніе возвратился Іось и съ восторгомъ сообщилъ, что во флигелѣ есть небольшой нумеръ для пана кассира.

— Подойди ко мнѣ поближе Іось.

Жидокъ робкими шагами и униженно вертясь и изгибаясь какъ собака, приблизился къ пану енералу.

— Я съ собою привезъ много золота; вотъ видишь ли въ этой шкатулкѣ полуимперіаловъ тысячь на сорокъ, — говорилъ фонъ Вральманъ, показывая Іосю шкатулку наполненную полуимперіалами въ бумажныхъ руло. — А вотъ, въ этой шкатулкѣ.... Фонъ Вральманъ заперъ

первую шкатулку и подошедши къ другой шкатулкѣ отперъ ее.—А вотъ въ этой шкатулкѣ полуимперіаловъ тысячь на восемьдесятъ.—И вынувъ лежавшій въ шкатулкѣ лоскутокъ бумаги прочиталъ на ней замѣтку и сказалъ:

— Да, въ этой шкатулкѣ шестьдесятъ тысячь, а въ той сорокъ.—Потомъ взявъ два или три свертка, развернулъ ихъ и предъ Іосемъ заблистало золото.

— Охъ, вай миръ, панѣ енералѣ, якъ вѣли у ясного папа злота! вай, вай, вай, яки же ясны панъ,—богаты панъ—поцмокивая губами, говорилъ Іось.

— Да,—равнодушно отвѣтилъ фонъ Вральманъ,—золота у меня много и серебра довольно. Посмотримъ-ка эти сундуки. Янъ отопри этотъ сундукъ, вотъ ключи.

Янъ взялъ ключи и отперъ одинъ изъ трехъ сундуковъ.

— Это серебро,—говорилъ фонъ Вральманъ, взявши одинъ изъ свертковъ, коими былъ наполненъ сундукъ, развернулъ свертокъ и показалъ жиду серебряные рубли.

— Здѣсь на тридцать тысячь рублей, а тамъ,—читалъ онъ замѣтку, написанную на бумагѣ:—въ од-

помъ сундукѣ на сорокъ и въ другомъ на сорокъ. Я взялъ съ собою ассигнацій на триста тысячь. Скажи Іось, кажется я долженъ объявить содержателю гостинницы, что со мною такая значительная сумма.

— Тржеба, тржеба объявиць. Бозе бронь якего выпадку....

— Случая я никакого не боюсь: вору трудно у меня поживиться; эти сундуки и шкатулки тотчасъ будутъ привинчены къ полу желѣзными штабами и заперты, а завтра пріѣдетъ кассиръ и они будутъ помѣщены въ надежное мѣсто.

— Мозе панъ енералъ хце купиць вельки майентекъ?...

— Совсѣмъ нѣтъ. Я хочу попытать счастья въ игрѣ. Банкъ идетъ въ контрактовомъ?...

— А якъ-же, яснывельможны панѣ, идзѣ... и яка еще велька гра ходзи, въ контрактовымъ и въ готеляхъ.

— Ктожъ выигралъ, кто проигралъ, незнаешь ли?

— Панъ обыватель Кшепиньски Викторъ, ясны вельможны панѣ, досталъ южъ чтердзесци тысёнцъ злотыхъ, а панъ, такожъ обыватель, Пржешыньски доложилъ своихъ пеньдзесёнтъ тысёнцувъ злотыхъ.

— А какъ великъ банкъ?

— Якъ то, панѣ енералѣ, я тего нерозумѣмъ?...

— Сколько денегъ въ банкѣ?

— О, ясневельмозны панѣ, пенёндзувъ на столѣ, злота и сребра и ассыгнатувъ, вели панъ запотржебуе.

— Однакоже, есть на полъ милліона злотыхъ?

— Далеко венцей, панѣ енералѣ;—я такъ мысли, цо ѣстъ до двухъ милліонувъ злотыхъ.

— Посмотримъ,—равнодушно сказалъ фонъ Вральманъ. Въ комнату вошелъ Янъ.

— Прикажи чай приготовить; а ты Іось, оставь насъ; я потребую тебя... Надобно намъ устроиться и отдохнуть.

V.

MADAME DE COMPTOIRE.

Жидъ, пораженный видѣннымъ золотомъ и серебромъ, таялъ, млѣлъ и пришелъ въ такое болѣзненное настроеніе, что дѣйствительность казалась ему ненатуральнымъ сномъ, или діавольскимъ навожденіемъ. Онъ во всю свою жизнь невидѣлъ вдругъ такого огромнаго количества звонкой монеты.

Іось униженно, почти до земли кланяясь пану енералу и пани енеральши, скрылся за дверью и, подойдя въ передпей къ кассѣ, съ сильными жидовскими жестами, передавалъ на польскомъ языкѣ, пани Амандѣ все имъ видѣнное.

Мадамъ Аманда съ необыкновеннымъ удивленіемъ слушала жидка; глаза ея впились въ Іося и неестест-

венно блистали; на бѣломъ кругломъ ея лицѣ появилась восторженная радость; на довольно жирныхъ розовыхъ губахъ, какъ стрѣла молніи, металась улыбка. Часто она прерывала быструю рѣчь жидка, спрашивая его о чемъ то, и тотъ съ жаромъ и клятвами ей отвѣчалъ. Къ нимъ подошелъ Янъ.

— Пани, гдзѣ достане гербате для моихъ паньства?

— Въ тенъ моментъ,—проговорила Ванда, поспѣшно заперла кассу, вышла въ другую комнату и минутъ чрезъ три возвратилась.

— Пани, а есть смѣтанка альбо цытрына?—спросилъ Янъ, стоя у кассы.

Сама пржиготовѣ и заразъ бендзо вшистко подане.

Янъ ушелъ.

Жидокъ продолжалъ докапчивать свой разсказъ, и не успѣлъ еще всего досказать, какъ номерной лакей принесъ на большомъ серебряномъ подносѣ прекрасный чайный серебряный сервизъ: чашку, стаканъ, блюдечко, наполненное сахаромъ, тарелочку съ сухарями, лимонъ, сливки и прочія принадлежности.

— Погоди на минуту,—сказала Аманда, смотрясь

въ висѣвшее у кассы большое зеркало; наскоро поправила свои волосы и смятое отъ сидѣнія платье, и обратясь къ лакею, сказала:

— Неси за мною,—и вошла въ комнату пріѣзжихъ.

Фонъ Вральманъ и Аннета не ожидали такого вниманія хозяйки гостинницы. Они сидѣли другъ противъ друга, и какъ замѣтила Аманда, о чемъ то совѣтовались. Аманда разсыпалась предъ ними съ своими французскими учтивостями и сахарными комплементами.

Аннета очень холодно приняла первый натискъ французскихъ, изысканныхъ фразъ Аманды и машинально подавъ ей руку, указала на кресло невдалекѣ отъ нее стоявшее, пригласила ее сѣсть. Фонъ Вральманъ также пожалъ руку Амандѣ и усѣлся подлѣ нее, у стола, на которомъ лакей поставилъ чайный приборъ.

— Вы неоткажетесь съ нами пить чай?—спросила Аннета мадамъ Аманду.

— Очень благодарна, съ удовольствіемъ.

Авторъ считаетъ обязанностью замѣтить, что разговоръ между фонъ Вральманомъ и Амандой происходилъ частію на французскомъ, а частію на нѣмецкомъ языкѣ, къ которому изрѣдка, кстати и не кстати, при-

мѣшивала Аманда польскія и русскія фразы, сильно ихъ коверкая.

— Скажите, мадамъ, много ли пріѣхало па контракты?

— О, очень, очень много; я непомню года, въ который бы такъ рано съѣхалось такое множество панства и купцевъ, и все люди очень богатые.

— Банкирскія конторы открыты? — спросилъ фонъ Вральманъ.

— Да, недѣли полторы какъ открыты конторы: Габсбурга, Гольдберна, Харевица и другихъ.

— Игра идетъ?

— Громадная, mon prince, громадная.

— Кто же играетъ?

— Конечно польское магнатство; русскаго ни одного; играютъ, monsieur le comte Комарчиньски, monsieur le comte Молонецки, meussieurs les comtes Барбариньски, панъ Отрѣчиньскій, ксендзъ Чарнецкій, ксендзъ Косѣцкій, ксендзъ Жаба—Краковецкій и вéли, вéли другéго вельможнего паньства; злота и сребра вéли и доскопале, ясны вельможны панѣ енèрале... Панъ также мысли попробовацъ сченсця?

— Посмотрю, можетъ быть и поиграю,—хладнокровно отвѣтилъ фонъ Вральманъ.—Чей же банкъ?

— О, панѣ, то южъ вядомо: збѣрасѣ компанія магнатовъ, а часемъ и богаци жыдзи банкъ закладаіо. Дни тржи тему, грабіовѣ Барбаринсцы, заложили милліонъ злотыхъ и панъ Каетанъ Дмоховски и маіоръ Пржепшиньски въ пулъ годзины банкъ зервали и заразъ выѣхали зъ кіева. Они у мнѣ въ дзевіонтемъ нумерже тыдзень стали.

— Я помню, года три тому назадъ, въ вашей гостинницѣ шла огромная игра...

— Грайо и теразъ, mon prince. Кончисѣ гра въ контрактовымъ домѣ, и цала магнатерія и вшистке паньство ѣдзи тутай и цало ноцъ идзѣ гра велька,—говорила Аманда замѣтно кокетничая и строя глазки предъ фонъ Вральманомъ.

Замѣтилъ это кокетство и фонъ Вральманъ. Нѣсколько уже лѣтъ какъ онъ зналъ Аманду, какъ пользовался ея изысканнымъ вниманіемъ и французскою любезностію. Впрочемъ, кто же по мнѣнію Аманды, изъ *порядочныхъ людей*, то есть такихъ людей, которые равнодушно проигрывали въ банкъ тысячи злотыхъ и безъ-

отчетно, изъ за ничего, изъ одного *гонора*, бросали Амандѣ, или передъ нею, по триста и пятьсот злотыхъ платя за порцію поданнаго ею бивштекса, или за жареный цыпленокъ. Нынѣ это покажется сказкой, а въ свое время это явленіе часто повторялось и было положительною дѣйствительностью. Мадамъ Аманда умѣла пользоваться временемъ и личностями; какъ умная, хитрая, пронырливая кокетка, она не метала французской любезности безцѣнно. Каждое слово свое она цѣнила на вѣсъ золота, и оно лилось къ ней обильными струями. Она очень хорошо изучила магнатство, ясне вельможное и вельможное гоноровое панство, и за это, польское панство носило ее на рукахъ и осыпало ее золотомъ. На русскихъ помѣщиковъ Аманда мало обращала вниманія по двумъ причинамъ: это панство не метало предъ нею тысячи злотыхъ, потому что оно было очень незначительное по числу противъ панства польскаго, и притомъ необладало такимъ страшнымъ количествомъ золота, какое имѣло польское магнатство. Первый ея вопросъ швейцару: кто пріѣзжій? и если швейцаръ отвѣчалъ, что пріѣзжій русскій или нѣмецъ, то пріятная физіономія Аманды принимала отвратительно

кислый видъ; если же швейцаръ произносилъ: пріѣхалъ вельможный панъ Занойскій, Корчинскій, Ржевецкій, Хапжинскій, то Аманда привлекательно улыбалась; запѣвала, себѣ подъ носъ, веселую пѣсеньку и съ прискокомъ на одной ножкѣ, какъ бабочка порхая, убѣгала приказать какъ можно скорѣ отпереть въ гостинницѣ извѣстный нумеръ, изъящно отдѣланный, и даже лично она этимъ занималась. Это все происходило отъ того, что Аманда навѣрное знала, что пріѣздъ богатаго пана дарнусь ей рядъ дней самыхъ пріятнѣйшихъ для нея во всѣхъ отношеніяхъ. И она очень хорошо понимала и то, что въ эти дни надобно только немножко болѣе кокетничать и понаряднѣе противъ обыкновеннаго, одѣваться.

Не смотря на нѣмецкую фамилію новыхъ пріѣзжихъ, съ коими она пила чай, Аманда была необыкновенно весела, разговорчива, изысканно къ нимъ внимательна и расчетливо кокетлива. Всему этому причиною — Іось, который былъ ея тайный повѣренный въ дѣлахъ интереса и сердца. Іось такъ былъ ею порабощенъ, что несмотря на свою жидовскую натуру, несмѣлъ и подумать что либо соврать для своей пользы, или возъимѣть мысль ослушаться приказанію Аманды, несмотря

на то, что въ продолженіи пяти-лѣтнихъ услугъ его, она недала ему и гроша мѣднаго, и все ее вниманіе къ жидку ограничивалось рѣдкимъ приказаніемъ дать рюмку водки и двѣ вареныя картофелины, или вареное яйцо.

— Мадамъ, вѣроятно вы намѣрены сдѣлать много покупокъ на контрактахъ?—обратилась Аманда къ Аннетѣ.

— Едва-ли. Мы пріѣхали изъ Одессы, тамъ порто-франко и я довольно сходно покупаю модныя заграничныя вещи; но мнѣ здѣсь необходимо пріобрѣсть одинъ предметъ. О, еслибы только это было возможно,—со вздохомъ проговорила Аннета.

— Какой предметъ?—съ особымъ любопытствомъ спросила Аманда.

— Да, это еще впереди, это потомъ...

— Я всегда къ услугамъ вашимъ, мадамъ, если только могу въ чемъ быть полезною.

Анна Павловна замолчала и поворотила голову всторону; на лицѣ ея появилось смущеніе и заигралъ едва замѣтный румянецъ.

— Помните ли вы, мадамъ, нѣкую мадемоазель Констанцію, красивую брюнетку, высокаго росту. Кажется, она жила на старомъ кіевѣ?... спросилъ фонъ Вральманъ, съ цѣлью перемѣнить разговоръ.

Вопросъ этотъ привелъ въ видимое замѣшательство Аманду, и она также сильно смутилась, немножко покраснѣла, надула губки, и совершенно измѣнивъ голосъ и манеру обращенія, тихо и протяжно произнесла:

— Непомню, какая это мадемоазель....

— Извѣстная кіевская красавица, для которой третьяго года, панъ Концацкій поставилъ *во банкъ* короля червей; карта его выиграла онъ весь выигрышъ, кажется, тысячу злотыхъ, тотъ часъ отдалъ Констанціи...

— Что то помнится; но это такая малость, что право я и необратила на нее никакого вниманія,—холодно произнесла Аманда. Притомъ же, vôtre excellence, мало ли польское магнатство разсыпаетъ тысячь подобнымъ мадемоазелямъ.

— Это такъ, но Констанція, въ кіевѣ, въ своей сферѣ, личность особо фигурирующая.

— Быть можетъ, но я ее незнаю..... также холодно, съ кислою миною повторила Аманда. По всему замѣтно было, что разговоръ фонъ Вральмана о Констанціи, крайне былъ не по сердцу Амандѣ, и она старалась уклониться отъ него.

— Мадамъ, такъ много пріѣхало на контракты виртуозовъ, и все знаменитыхъ: Дрейкотъ, Мироскоскій, Нагель и много, много другихъ, изъ Варшавы, Кракова, Львова.... вѣроятно вы любите музыку, и послушаете игру этихъ господъ.

— Да, я люблю музыку и играю на фортепьяно. У васъ здѣсь нѣтъ фортепьяно?.. спросила Анна Павловна, осматриваясь по сторонамъ, ища глазами фортепьяно.

— Мадамъ, завтра же къ услугамъ вашимъ будетъ великолѣпный рояль; я поставлю вамъ мой рояль.

— Очень одолжите меня..... съ легкимъ наклоненіемъ головы, произнесла Аннета.

Аманда встала съ кресла, протянула руку Аннѣ Павловнѣ, проговоривъ ей любезную фразу, потомъ подала руку фонъ Вральману, и съ прискокомъ выбѣжала изъ комнаты.

VI.

КОНТРАКТОВЫЙ ДОМЪ.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, Анна Павловна вышла изъ своей уютной спальни, въ комнату, которой она дала названіе гостинной. Костюмъ ея состоялъ изъ контуша малиноваго бархата, опушеннаго горностаемъ, съ золотыми снурками на груди. Контушъ обрисовывалъ ея стройную талію; изъ подъ контуша ниспадала бѣлая, атласная, довольно короткая юбка, незакрывавшая длинныхъ сапожекъ, краснаго сафьяна, на высокихъ каблучкахъ, съ серебряными подковками; на головѣ ея была малиновая конфедератка, съ небольшимъ бѣлымъ страусовымъ перомъ, прикрѣпленнымъ къ шапочкѣ бриліантовымъ аграфомъ. Въ этомъ нарядѣ Анна Павловна казалась еще болѣе очаровател-

ною. Черныя пряди ея густыхъ, глянцеватыхъ волосъ, роскошно ниспадали изъ подъ конфедератки. Узенькія, свѣтлыя перчатки, вполнѣ обрисовывали ея крошечныя ручки, на кистяхъ которыхъ блистали по два масивныхъ золотыхъ браслета. Фонъ Вральманъ вышелъ изъ своей комнаты одѣтымъ въ темноголубой венгеркѣ, съ черными шелковыми снурками на груди и вышитой разными замысловатыми узорами; въ краснаго цвѣта суконныхъ, съ золотыми лампасами панталонахъ; рогатая его шапка, голубаго бархата, была опушена дорогимъ соболемъ.

— Аннета, готова?

Аннета рисовалась передъ зеркаломъ.

— Совершенно, дружочекъ.

— Я тоже; такъ поѣдемъ, карета ожидаетъ.

Фонъ Вральманъ взялъ со стула приготовленную для Анны Павловны соболевую шубу и набросилъ ей на плеча. Янъ подалъ ему медвѣжью шубу, и нашъ генералъ съ генеральшею покатили къ контрактовому дому.

Не доѣзжая сажней двухъсотъ къ длинному двухъэтажному зданію, карета фонъ Вральмана остановилась, и Янъ поспѣшилъ отворить дверцы.

— Что, пріѣхали?—спросилъ фонъ Вральманъ.

— Далѣе нельзя ѣхать: ряды экипажей заняли дорогу; всѣ паны идутъ пѣшкомъ отвѣчалъ кучеръ.

— Ахъ, какъ это неудобно, — проговорила Анна Павловна, но должна была подвергнуться необходимости путешествовать пѣшкомъ. Дѣйствительно, необозримые ряды каретъ, колясокъ, саней, запряженныхъ, по большей части *цугомъ*, въ краковской упряжи, недозволяли подъѣхать ближе къ контрактовому дому.

Передъ контрактовымъ домомъ тѣснилась масса жидовъ всѣхъ возрастовъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ. Говоръ, крикъ, визгъ и хлопанье бичей, заглушали пріѣхавшихъ. Изъ всего жидовскаго говора можно было разслышать слова: *пецъ*; *кербель*, *злотый*.

Съ ужаснымъ усиліемъ протолкалъ толпу жидовъ фонъ Вральманъ, давая мѣсто Аннѣ Павловнѣ. Изнеможенные отъ тѣсноты и давки, едва переводя духъ, вошли они въ узкую и темную переднюю, также занятую жидами, и оттуда на право, въ залу, невесьма обширной вмѣстимости. Двое дверей изъ этой залы вели въ смежныя комнаты.

Едва переступили порогъ первой залы, какъ въ

ушахъ нашихъ героевъ послышался звукъ золота и серебра, и предъ глазами ихъ явились три длинные, зеленые стола, вокругъ которыхъ сидѣло ясно вельможное и вельможное панство, игравшее въ банкъ. За самымъ большимъ столомъ сидѣлъ, въ фіолетовомъ контушѣ, толстый, чрезвычайно жирный, красполицый, съ отвисшимъ подбородкомъ, большими сѣдыми усами и совершенно лысою головою, на коей сильно лоснилась кожа, панъ Концацкій, метавшій банкъ; ему было не менѣе семидесяти лѣтъ. Предъ нимъ лежали кучи золотыхъ дукатовъ, голландскихъ и австрійскихъ червонцевъ, русскихъ полуимперіяловъ, польскихъ злотыхъ и русскихъ *карбованцовъ* (серебрянныхъ рублей). За спиной пана стояло два огромныхъ гайдука, держа мѣшки съ золотомъ. Понтировало человѣкъ двадцать панства и нѣсколько жидовъ. На двухъ другихъ столахъ метали банкъ также два пана, въ свѣтло желтыхъ контушахъ, и понтировившихъ мущинъ и дамъ, было едва ли еще небольшее число, нежели какъ на главномъ столѣ. На этихъ столахъ также лежали огромныя кучи метала. Игра шла чрезвычайно оживленно, и несмотря на безпрерывно произносимыя проклятія и постукиванія

кулаками объ столъ, проигрывавшими, игра и на мгновеніе непрерывалась.

Толпа панства, одѣтаго въ контуши и съ рогатыми красными шапками на головахъ, и жидовъ, наполняла залу до того, что невозможно было и шага сдѣлать впередъ. Среди жидовъ, почти за плечами пана Концацкаго, высовывалась рыжая голова щедушнаго Іося. Завидя вошедшаго фонъ Вральмана, Іось безцеремонно наклонился къ уху банкира и сказалъ ему нѣсколько словъ. Панъ Концацкій, выслушавши жида, нѣсколько приподнялъ совиныя вѣки своихъ глазъ, нехотя взглянулъ въ ту сторону, гдѣ остановился фонъ Вральманъ, и затѣмъ хладнокровно продолжалъ метать банкъ.

Игра на этомъ столѣ шла съ перемѣннымъ счастіемъ; купи ставились по нѣсколько сотъ злотыхъ; панство горячилось и храбрилось; понтировавшіе жиды ругались между собою, дѣлая смѣшныя размахиванія руками.

— Може панъ енералъ зехце попробовать счепьсця.... аппатично произнесъ Концацкій, обратясь къ фонъ Вральману.

Фонъ Вральманъ безъ участия посмотрѣлъ на банкомета и недалъ отвѣта.

— А може пани енералова.. продолжалъ Концацкій...

— Такъ много играющихъ и безъ насъ,—произнесла Анна Павловна.

— О, то ницъ нешкодзи. Проше пани... говорилъ Концацкій, нѣсколько привставъ съ своего мѣста; желая услужить дамѣ. Панство учтиво, поспѣшило дать мѣсто новой гостьи.

Анна Павловна нехотя усѣлась; фонъ Вральманъ сталъ за спиной ея стула и положилъ передъ нею, на столѣ, длинный и толстый кожанный мѣшокъ, наполненный полуимперіалами. Одинъ изъ понтировавшихъ поляковъ, съ особо ласковою улыбкою, подалъ Аннѣ Павловнѣ новую колоду картъ.

— Зехце пани выбрацъ карте и поставицъ?...

Изъ средины колоды, Анна Павловна, съ усиліемъ вытянула карту, бросила ее на столъ и, взявши изъ мѣшка десятка два полуимперіаловъ, положила ихъ подлѣ карты.

— Мадамъ, покажите карту,—произнесъ Концацкій, дѣлая видъ, что онъ особо желаетъ доставить удовольствіе новой дамѣ. Сидѣвшее панство искоса посматривало на красавицу, и самодовольно покручивало на

фабреные свои усы, да вытягивало шеи, желая привлечь на себя взглядъ Анны Павловны, воображая, что его ожидаетъ успѣхъ впереди, если только ему вздумается искать этого.

— У меня тузъ трефей,—тихо сказала Анна Павловна.

— Тузъ трефей, а у васъ, пани маршалкова?—спросилъ Концацкій, обратясь къ сидѣвшей по правую его сторону красивой блондинкѣ, но уже далеко не первой молодости.

— У меня двойка червей.

— Пановѣ, зачынамъ!—произнесъ банкометъ и началъ метать.

Поставленныхъ картъ было до тридцати; въ числѣ ихъ нѣсколько одинаковыхъ. Передъ рыжимъ, подъ гребенку обстриженнымъ паномъ, съ длинною рыжею же, густою бородою, также лежалъ тузъ трефей, и подлѣ карты были начертаны какіе то непонятные для неиграющихъ крестики, черточки и проч.

Ловко и быстро вылѣтали изъ подъ толстыхъ пальцевъ Концацкаго карты и падали на лѣво и на право.

— Дама червей дана, — тузъ пикъ убитъ, — король

трефей убитъ,—валетъ трефъ убитъ,—десятка бубенъ дана,—двойка пикъ и тройка бубенъ,—даны.

— Ахъ, какъ долго,—думала Анна Павловна,—навѣрное проиграю.

— Пятерка бубенъ бита,—восьмерка червей бита,—тузъ бубенъ убитъ,—семерка бубенъ дана,—двойка червей, бита...

— Лопнетъ всякое терпѣніе; вѣроятно туза трефей нѣтъ въ колодѣ.

— Тузъ трефей убитъ!..

Анна Павловна внутренно вздрогнула, невольно отклонилась къ спинкѣ кресла; лице ея нѣсколько зарумянилось, а потомъ поблѣднѣло. Фонъ Вральманъ поспѣшилъ отодвинуть къ банкиру его выигрышъ. Въ ту минуту панъ Карнашинскій сильно ударилъ кулакомъ по столу и вскрикнулъ:

— Седьмая карта сряду убита... нѣтъ счастія! Пани маршалкова, выберите мнѣ карту: проиграю и брошу игру,—уѣду. Сегодня уже полторы тысячи злотыхъ проигралъ.

— Я не такъ счастлива, какъ полагаете,—отвѣтила пани маршалкова,—а лучше пусть выберетъ вамъ

карту пани енералова, — съ улыбкою произнесла блондинка, указавъ на Анну Павловну.

— Я также несчастлива какъ и вы, madame. Мы всѣ проиграли.

— Сдѣлайте большое одолженіе, пани енералова, выберите мнѣ карту, — произнесъ панъ Карнашинскій, протягивая руку съ колодою картъ, къ Аннѣ Павловнѣ.

— Не имѣю удовольствія быть съ вами знакомой, но вижу, что и вамъ какъ и мнѣ, суждено проиграть, — сказала Анна Павловна.

— Ничего. Еще разъ поставлю и, довольно. Выберите мнѣ карту, умоляю васъ, пани енералова....

Анна Павловна нехотя выдернула карту.

— Я одинаковую поставлю съ вами карту, чтобы узнать наше счастіе, — съ пріятною улыбкою сказала она, подавая карту Карнашинскому и потомъ отыскала въ своей колодѣ картъ тройку бубенъ и положила передъ собой, придвинувъ къ ней, покрайней мѣрѣ, пятьдесятъ полуимперіаловъ.

Панъ Карнашинскій вынулъ изъ кармана банковой билетъ въ три тысячи злотыхъ, и накрылъ карту.

— Пановѣ, проше открыць карты, зачынамъ,—громко произнесъ Концацкій. Понтировавшіе открыли карты и придвинули къ нимъ золото.

Опять быстро полетѣли карты на лѣво и на право.

— Дама пикъ дана,—четверка бубенъ дана,—семерка пикъ дана,—валетъ трефей убитъ, — король бубенъ данъ,—восьмерка червей убита,—тройка бубенъ дана....

— Поздравляю съ выигрышемъ,—съ легкимъ наклоненіемъ головы, проговорилъ Концацкій, обратясь къ Аннѣ Павловнѣ и продолжалъ метать.

— Merci за карту! Я совершенно отъигрался и этимъ обязанъ вашему, пани енералова, счастію.... произнесъ Карпашинскій.

— Полагаю, что скорѣе я обязана вашему счастію,— съ пріятною улыбкою сказала Анна Павловна.

Расчетъ сдѣланъ. Колоды картъ подъ тасовкою зашумѣли и защелкали въ рукахъ пановъ. Въ рукахъ Концацкаго явилась новая колода, а старая полетѣла подъ столъ, и засѣяла все пространство пола.

— Банкъ гтовъ, зачынамъ!—Пани стави карте?— съ небольшимъ наклоненіемъ головы и улыбкою спросилъ банкометъ Анну Павловну.

— Еще одну и послѣднюю.

— А пани маршалкова?

— Я тоже,—съ улыбкою отвѣчала пани маршалкова.

— Ставьте же порядочные куши, если это послѣдніе ваши карты,—сказалъ одинъ изъ игравшихъ.

Анна Павловна выбрала туза трефей и положила подлѣ карты весь свой выигрышъ.

— Покажите мнѣ вашу карту, пани генералова, я поставлю одинаковую съ вами,—сказалъ Карнашинскій.

— Помните же, чтобы не претендовали на мое счастье, если въ этотъ разъ проиграете.

— О, нѣтъ, нѣтъ....

— Тузъ трефей.

— Опять тузъ трефей, да эта карта непремѣнно проиграетъ.

— Поставьте другую.

— Нѣтъ, нѣтъ, низачто. А вотъ сколько ставлю!— Карнашинскій поставилъ свой выигрышъ и добавилъ банковый билетъ.

— Открывайцѣ пановѣ, карты.

Всѣ вскрыли карты.

— Четвертка бубенъ убита.—король трефей убитъ,—

двойка червей дана, — тузъ червей убитъ, — пятерка пикъ убита, — тузъ трефей данъ.....

— Высмѣницѣ! — заревѣлъ какъ безумный отъ радости Карнашинскій, быстро вскочилъ съ своего мѣста, приблизился къ Аннѣ Павловнѣ, сталъ передъ нею на колѣно, и схвативши ея руку, съ жаромъ поцѣловалъ.

— До пяти тысячъ злотыхъ я выигралъ единственно по вашему счастію....

Анна Павловна встала изъ за стола, а фонъ Вральманъ поспѣшилъ взять выигранное золото. Поклонясь играющимъ, фонъ Вральманъ и Аннета вышли въ другую залу. За ними слѣдомъ пошелъ Карнашинскій и нѣсколько молодыхъ франтовъ.

Панство переглянулось между собою и другъ другу съ восторгомъ сказало: — ахъ, цо за пѣнкна кобѣта! кто они? — Но кто они, еще въ ту минуту небыло извѣстно. Іось наухо сообщилъ Концацкому, что это панъ енералъ съ женою, богатѣйшій въ мірѣ человѣкъ, остановившійся въ Grande Hôtel Victoria.

VII.

ТРУЩОБА.

Въ кіевѣ множество нищихъ было, есть и будетъ.

Нищіе изъ мѣстныхъ жителей — по рожденію, призванію и художеству, — питающіеся по монастырямъ, церквямъ, бродящіе стаями, какъ голодныя собаки, по улицамъ и проникающіе въ дома; нищіе по профессіи, питающіеся по гостинницамъ, въ кондиторскихъ, на общественныхъ гуляньяхъ, въ разныхъ норахъ, оврагахъ и трущобахъ; нищіе воры — богачи, обитатели изъящныхъ вмѣстилищъ кіевскаго рая; нищіе попрошаи — бѣдняки, обитающіе въ преисподнихъ кіевскаго ада; нищіе русскіе; нищіе поляки, нищіе французы, только нищихъ по художеству, изъ нѣмцевъ, авторъ быть можетъ по своей неопытности, до сего времени не подмѣтилъ на кіевскомъ

горизонтѣ. О каждомъ родѣ и видѣ кіевскихъ нищихъ, и какъ они производятся, для чего размножаются и какую приносятъ пользу обществу—рѣчи будутъ впереди.

Пара красивыхъ вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ фаэтонъ, очень быстро промчалась изъ крещатика на подолъ, по прямой улицѣ; потомъ экипажъ поворотилъ на лѣво, прокатилъ по длиной и въ то время грязной кирилловской улицѣ, и скрылся въ лѣсу.

Въ фаэтонѣ сидѣли двѣ дамы: одна съ головы до ногъ окутанная бѣлаго кашемира бедуиномъ; лице ея было закрыто густою, бѣлою вуалью; другая одѣтая въ чайнаго цвѣта платье, также съ лицемъ покрытымъ густою, черною вуалью. Лошадьми управлялъ молодой, статный, высокаго роста, красивый собою мущина, сидѣвшій на козлахъ, и одѣтый въ черпаго бархата щегольскую поддѣвку—безрукавку; на головѣ его была прекрасная, настоящая италіянская соломенная шляпа; во рту онъ держалъ дымившуюся, ароматическую сигару. Онъ управлялъ экипажемъ ловче и красивѣе всякаго стараго и опытнаго кучера.

Въ лѣсу, по узкой и извилистой дорогѣ, фаэтонъ ѣхалъ медленнѣе. Это было въ воскресенie, часу въ четвёртомъ пополудни. Выѣхавъ изъ лѣса, фаэтонъ быстро помчался по гладкой дорогѣ, къ селенiю Петровцамъ, и недоѣзжая селенiя, поворотилъ среди пахатныхъ полей на лѣво, по узкой, почти непроѣзженной дорожкѣ, и скоро приблизился къ длинному и глубокому оврагу, по откосамъ котораго и въ его глубинѣ, гдѣ едва, едва, въ густотѣ зелени, струился ручеекъ, было замѣтно до десяти землянокъ; вѣрнѣе—норъ, изрытыхъ въ откосахъ оврага, и сверху кое какъ прикрытыхъ сухими сосновыми вѣтьвями и землей. Къ сторонамъ оврага прилегали вспаханныя поля, а за ними лѣсъ, въ который входилъ оврагъ своими двумя концами. Фаэтонъ проѣхалъ вдоль оврага съ права на лѣво, и остановился у опушки лѣса. Дамы вышли изъ фаэтона, мущина соскочилъ съ козелъ, взялъ за узды лошадей, и притянувъ ихъ къ дереву, привязалъ возжи къ стволу. Всѣ трое вошли въ лѣсъ. Дамы, казалось, желали искать ягодъ или грибовъ, мущина заговаривалъ то съ одною дамою, то съ другою. Наблюдатель замѣтилъ бы, что дамы, за что то пенили своего спутника. Прошло минутъ двадцать въ прогулкѣ

по лѣсу; дамы видимо скучали и были недовольны на своего возницу; онъ оправдывался, представлялъ имъ какіе то резоны, и, куря сигару, шелъ за ними.

Въ глубинѣ лѣса послышался хриплый голосъ:

— Чи вы тутъ?

— Здѣсь!—громко отвѣтилъ мущина.—Иди, Клюка, къ намъ.

Изъ за кустовъ оврага вылѣзая, показался въ нищенскомъ рубищѣ, человѣкъ на костылѣ. Хромая, приблизился онъ къ дамамъ, снялъ шапку, поклонился и оперся на костыль. Лѣвая его нога была скорчена.

— Съ ранняго утра я ожидаю барынь: я и спалъ и бродилъ по лѣсу и опять спалъ... Пойдемъ же,—говорилъ нищій, и хромая, довольно скоро шелъ впереди по узенькой, едва замѣтной тропѣ, извивавшейся сперва среди лѣса, а потомъ по полю, и началъ спускаться въ глубину оврага. За нимъ шелъ мущина, а позади дамы, хватаясь по крутизнѣ, чтобы неупасть, за кусты росшіе по ребру оврага. Осторожно спустились они внизъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ весь оврагъ густо заросъ кустами.

Отвратительный крикъ отчаянія, неестественный визгъ, вопль и плачь женщинъ и младенцевъ, разгульныя

пѣсни, шумъ, нестройный, оглушительный говоръ и стоны, слышались изъ этой трущобы еще въ далекомъ отъ нея разстояніи.

— Небойтесь ничего: это наши шабашъ справляютъ: каждое воскресеніе и въ праздникъ, здѣсь чистый содомъ и гоморъ,—говорилъ нищій.

— Что же это такое? — съ внутреннимъ трепетомъ спросили дамы.

— Нищіе пьяные нашего куреня гуляютъ: сегодня ихъ шабашъ,—хладнокровно отвѣтилъ Клюка

— Зачѣмъ же ты насъ къ нимъ ведешь?

— Папе, я васъ веду въ свою землянку, а они васъ не тронутъ; мы мимо ихъ пройдемъ.

— Ахъ, это ужасно, я не пойду Августъ, я страшусь!

— Чего вы, барынька, боитесь? небойтесь, ей Богу небойтесь; никто васъ пальцемъ нетронесъ, словомъ незацѣпитъ...

Анна Павловна поблѣднѣла, въ страхѣ остановилась и нерѣшилась шагу сдѣлать впередъ; ея спутница также оторопѣлая недвигалась съ мѣста.

— Идите, вотъ здѣсь моя землянка.

— Пойдемъ, чего бояться...

Нищій остановившійся на минуту, опять пошелъ впередъ, за нимъ фонъ Вральманъ и дамы. Адскіе возгласы, множества человѣческихъ гортаней, усиливались.

И вотъ открылась вся гнусная картина:

На днѣ грязнаго оврага, какъ змѣй въ гнѣздѣ, копишилось пьяныхъ и отвратительныхъ до ста мущинъ, и женщинъ нищихъ, въ рубищахъ и совершенно нагихъ. Среди ихъ было не менѣе сорока дѣтей. Въ этомъ отвратительномъ гнѣздѣ господствовалъ чисто содомскій разгулъ: одни ползали на четверинькахъ, другіе ковиляли на костыляхъ, иные мертвецки пьяные, катались по дну грязнаго русла; совершенно нагія старухи и помоложе женщины плясали съ мущинами и между собою, кривлялись и дѣлали самыя неистовыя тѣлодвиженія... и между группами этого *человѣчества* видиѣлись разбросанные штофы, беченки, куски хлѣба, маса, яицъ, рыбы.....

— Прадѣдъ мой, батько мой и я — калики: жили они и я живу якъ хочеться: на чорта мнѣ сдалась *прямота*!.. Дидъ скрутывъ батьку, а батько скрутывъ мнѣ ногу, а я своему Остапу скручу. Нехай и винъ буде нищимъ. Другій панъ меньше мае грошей въ ки-

шепи, чимъ каждый изъ насъ кіевскихъ нищихъ. Ѳекла, а Ѳекла, давай сюда Остапа!

— На що?

— Ногу ему выкручу: уже пора, пятый годъ, а вінъ еще не калика,—кричалъ пьяный, черный нищій, лѣтъ сорока, почти нагой. Отвратительное, багровое его лице, одутое отъ пьянства и заросшее черными, грязными съ просѣдью всклокоченными волосами, придавали ему видъ демона.—Давай Федька горилки, выпью гарно, тай скручу, Ей Богу пора; ничего жалѣть малого.

— Постой, Яремо, самъ выпью, а тогда и тоби дамъ.

— Ахъ, ты собачый сынъ!—закрычалъ Ярема, вскочилъ съ своего мѣста, приблизился къ боченку, котораго въ то мгновеніе взялъ нищій Федька, выхватилъ боченокъ изъ рукъ Федьки, довольно молодаго человѣка, слѣпаго на одинъ глазъ, и приложивъ воронку къ своимъ губамъ, началъ пить изъ боченка водку.

— Да годи тоби, Ярема, хлыстать,—сказалъ Федька.

— А тоби жаль горилки: не твоя, а всего курени. Буду пыть скильки схочу.

Напившись сколько могъ, Ярема передалъ боченокъ Федькѣ.

— Отъ теперъ на и тоби. Ей, ты *куриузка*, несы сюда сына!.. кажу тоби неси, а не то, голову тоби розобью.

— Нехай, Яремо, еще хоть годокъ поздравствуе.

— Ахъ, ты, *сыра не печена, чертомъ осмалена, бисомъ припечена*!—неси, кажу тоби... Ей Өекла, неси; я теперъ самъ свой: все что схочу—зроблю!... заревѣлъ нищій, неистово размахивая руками; багровые глаза его сверкали какъ у хищнаго звѣря.

— Жалко!—сквозь слезы сказала бѣдная мать, держа на рукахъ пятилѣтняго, миловиднаго мальчика.

— Дурна, нищій буде, хиба се ему не добро?..

Робко нищая женщина подошла къ пьяному Яремѣ и подала дитя. Ярема быстро схватилъ дитя за спину, положилъ его себѣ на колѣно, и въ одно мгновеніе вывороти́лъ ему лѣвую ножку такъ, что слышно было какъ трѣснула кость въ составѣ. Дитя не своимъ голосомъ вскрикнуло и лишилось чувствъ....

Громада нищихъ радостно закричала; женщины пустились въ пляску, припѣвая самыя гнусныя пѣсни.

VIII.

UNE DÉMOISELLE SUPÉRIEURE.

По кіеву, въ средѣ поляковъ, пролетѣла вѣсть о внезапной кончинѣ великой магнатки, дѣвушки—минервы (une démoiselle supérieure), княжны Родивольской, въ дѣтствѣ лишившейся отца и матери.

Желтый, довольно большой, каменный, двухъ этажный, очень невзрачный архитектуры домъ, существовавшій по Александровской улицѣ, у подъѣзда былъ атакованъ сотнею старухъ—нищихъ, католичекъ; однакоже входъ во второй этажъ этого дома, съ двухъ часовъ дня, былъ довольно свободенъ. По парадной лѣстницѣ, подымавшейся снизу, въ покои княжны, безпрерывно, взадъ и впередъ, шлялись польскіе молодые франты,

съ нафабренными и закрученными *вонсами.* Изрѣдка появлялось нѣсколько траурныхъ польскихъ дамъ, наружно умиленныхъ, внутренно-восторженныхъ.

Первая зала отъ входа была наполнена не грустною польскою молодежью, среди коей замѣчалось два или три посидѣлыхъ пана, также не грустнаго расположенія духа. Вторая зала была обита чернымъ сукномъ, съ серебрянымъ позументомъ по карнизамъ и съ огромными, такими же крестами по стѣнамъ. Къ западу стоялъ свинцовый гробъ умершей княжны, и сквозь небольшое стекло, вдѣланное надъ лицемъ усопшей, можно было видѣть ея набальзамированное тѣло, одѣтое въ нарядъ невѣсты, и сложенныя на груди руки, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Ксендзъ съ смиреніемъ и умиленіемъ, приличнымъ печальному торжеству, совершалъ пѣніе: Двѣ, три дамы, въ глубокомъ траурѣ и нѣсколько мущинъ, въ числѣ ихъ и растерянный фонъ Вральманъ, стояли у гроба, щедро украшеннаго богатыми гирляндами бѣлыхъ розъ и оранжевыхъ цвѣтовъ. Горѣло нѣсколько стеариновыхъ свѣчей, но свѣтъ ихъ не могъ побѣдить мрака господствовавшаго въ черномъ покоѣ смерти.

Среди присутствовавшихъ не замѣчалось ни слезъ, ни печали, ни воздыханій. Кажется только одно лице ксендза обязано было за всѣхъ, выражать печать черной душевной печали, отъ такой невозвратной потери, ничѣмъ, никѣмъ и никогда незамѣнимой.

Нѣсколько молодыхъ мущинъ и одинъ пожилой полякъ Романьскій, суетились, заботясь дальнѣйшимъ устройствомъ и распоряженіемъ погребальнаго кортежа.

Темнѣло. Въ траурномъ покоѣ зажли болѣе свѣчей; къ подъѣзду дома тихо приблизилась погребальная колесница, запряженная четверкою въ простяжъ; стекалось множество посѣтителей; на дворѣ, близъ колесницы, зажигали десятки смоляныхъ факеловъ; погребальная прислуга набрасывала на себя черные, дыравчатые, суконные балахоны и вѣнчала свои головы лопухообразными, черными же, войлочными шляпами; по отдаль толпились музыканты.

Чтеніе и пѣніе ксендза учащалось; ему подпѣвали и нѣкоторые изъ присутствовавшихъ. Народъ, по обыкновенію, продолжалъ входить и выходить изъ покоевъ. Вошли, какъ замѣтно было, двѣ высшаго круга женщины, въ глубокомъ траурѣ, съ лицами закрытыми густыми

черными вуалями; за ними шла нянька, съ двухлѣтнею, хорошенькою, съ черными глазенками, дѣвочкою, держа ее на рукахъ. Эти женщины, несмотря на окружающихъ, скорыми шагами подошли къ гробу, быстро взошли на ступни высокаго катафалка, преклонили головы къ стеклу, помолились надъ усопшею и, потупя головы, отошли. Женщина державшая дитя, сдѣлала тоже, заставила дитя преклонить головку къ стеклу, покрывавшему лице усопшей, и потомъ эти женщины и няня съ младенцемъ, молча, быстро ушли изъ дому. Присутствовавшіе переглянулись, перешептались и удивленными взорами провожали уходившихъ женщинъ.

Черезъ часъ пышный погребальный кортежъ, съ безчисленнымъ множествомъ факеловъ, блиставшихъ въ сумракѣ вечера, при заунывномъ гробовомъ пѣніи, боѣ барабана и звукѣ трубъ, двинулся по крещатицкой улицѣ и площади, въ костелъ. Толпа народа была необозрима; здѣсь былъ польскій мусъ и русскій мустъ.

На великолѣпно убранномъ траурномъ катафалкѣ, устроенномъ среди костела, поставили гробъ княжны. По окончаніи надгробнаго служенія была произнесена рѣчь, смыслъ которой тотъ, что горестный міръ лишился

бѣлой розы, благоуханнаго райскаго цвѣтка; что подобные цвѣты изрѣдка, по волѣ провидѣнія, разцвѣтаютъ на почвѣ грѣшнаго міра и, что ихъ срываетъ не смерть, но ангелъ вѣчной жизни. Такая трогательная рѣчь вызвала среди старухъ, плачь и рыданія. Затѣмъ изъ костела всѣ разошлись съ миромъ.

IX.

РЕДУТЪ.

Августъ фонъ Вральманъ съ Анной Павловной, вышедши изъ игорной комнаты, среди толпы всякаго званія народа, начали подыматься по довольно узкой лѣстницѣ, во второй этажъ контрактоваго дома. Звуки музыки долетали до слуха шедшихъ. За фонъ Вральманомъ шелъ услужливый панъ Карнашинскій, расталкивавшій по сторонамъ толпу, шедшую сверху внизъ, очищая проходъ предъ очаровавшею его Анною Павловною, къ которой онъ, изъ за спины, обращался съ пустозвонными французскими фразами. Когда они взошли почти къ верху лѣстницы, то внизу ея послышался голосъ пана Концацкаго, ведшаго подъ руку пани мар-

шалкову, и за ними цѣлую толпу поляковъ, понтировавшихъ Концацкому.

— Звыцѣнжылась пани грачувъ; естесь пани пѣнкно зъ найпѣнкнѣйшихъ, кѣду жичивши же змусилась вшыстких испъза тобо, пани, и наветъ Концацки мусялъ банкъ иржервацъ, — проговорилъ Карнашинскій, наклонясь къ Аннѣ Павловнѣ, съ которою онъ шелъ уже рядомъ.

Во второмъ этажѣ всѣ наши знакомые вошли въ *Редутову* залу. Это была довольно длинная и пространная комната; на небольшихъ ея хорахъ помѣщался оркестръ чеховъ. Окна и двери залы были убраны занавѣсами краснаго цвѣта, съ позолоченнымъ позументомъ. Множество полекъ и поляковъ въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ конфедератками на головахъ, ходили взадъ и впередъ, нагло крича во все горло, шумя, разговаривая, смѣясь и отпуская остроты на замѣшанныхъ въ толпѣ русскихъ офицеровъ. Въ одномъ концѣ залы была открыта дверь въ смежную комнату, въ которой красовался буфетъ, окруженный толпою поляковъ и полекъ, пожиравшихъ горячія *пончки*.

Панъ Карнашинскій побѣжалъ къ буфету, наложилъ на тарѣлку кучу пончовъ, и поднесь ихъ Аннѣ

Павловнѣ, прося и умоляя ее кушать. Съ замѣтной неохотой принуждена была Анна Павловна исполнить неотступную и привязчивую просьбу Карнашинскаго. Она усѣлась на поданный ей стулъ, у стола, за которымъ уже сидѣли и съ жадностію пожирали пончки, пани маршалкова и панъ Копцацкій и еще нѣсколько полекъ, знакомыхъ Концацкаго и Карнашинскаго.

Видимо было, что Анна Павловна отдалялась отъ знакомства съ этимъ обществомъ, но паны силою своей изысканной предупредительности, противъ ея воли, втягивали ее въ свой кругъ. Панство чуяло запахъ золота фонъ Вральмана, и обаялось красотою Анны Павловны. Впрочемъ, Анна Павловна, обладая магическою силою кружить головы панамъ, знала, что эта сила заключается единственно въ гордости противъ докучливыхъ ловеласовъ и въ презрѣніи къ ихъ селладоничеству, и такъ себя поставила, съ первой своей встрѣчи съ контрактовымъ панствомъ.

Кончилось ядѣніе пончекъ, къ которымъ такъ ласы паніи и паны, и обожравшійся Копцацкій еле, еле привсталъ со стула, протянулъ толстую, мясистую руку къ пани маршалковой, и сладенькимъ голосомъ сказалъ:

— Надѣюсь, пани не откажетъ протанцевать мазура?

— Покорно благодарю пана; но общество дамъ такъ незначительно?!.

Концацкій обратился съ тѣмъ же предложеніемъ, съ тою же сладкою миною и къ Аннѣ Павловнѣ.

— Не одмувишь, пѣнкна пани, старему полякови потанчыць мазура.

— Благодарю. Я очень плохо танцую, едва ли могу доставить удоволствіе вашему обществу.

— О, то неподобна жебысь пани одмувила; мы вшысцы сердечнѣ полюбили паню и мамы надзеѣ же зробишъ намъ те пржыѣмность. Панъ енералъ везьмѣ до таньца панне Ядвиге Кошулько, съ ктуро заразъ пизнайомѣ пана енерала. Панна Ядвига то гвязда польскей пѣнкносци.

И Концацкій безцеремонно схватилъ своею мощною дланью, длинную, худощавую руку фонъ Вральмана, и силою заставилъ его встать съ мѣста и послѣдовать за нимъ. Концацкій подвелъ фонъ Вральмана къ молоденькой, красивой полькѣ, блондинкѣ, одѣтой въ бирюзоваго цвѣта атласный контушъ, и отрекомендовалъ ей:

— Это мой добрѣйшій знакомый, панна Ядвига, прошу

съ нимъ протáнцовать мáзура.— Это моя племянница, панѣ енералѣ, прошу панну полюбить.

Фонъ Вральманъ поставленъ былъ въ необходимость сѣсть подлѣ красавицы польки и завесть съ нею разговоръ о любезности пана Концацкаго, о пріятнѣйшемъ обществѣ полекъ и поляковъ, о контрактовыхъ удовольствіяхъ и проч. Панна Ядвига бросала на фонъ Вральмана кокетливые взгляды, пріятно улыбалась и взаимно болтала ему любезности.

Концацкій пробрался на средину залы, остановился, гордо поднялъ къ верху голову, обратясь въ ту сторону гдѣ помѣщался оркестръ, захлопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Грайцѣ мáзура, а потемъ краковяка; пѣньдзесёнтъ дукатувъ музыкантомъ!—обратясь потомъ къ окружавшимъ, сказалъ:—Пановѣ, проше даць мѣйсце....

Присутствовавшіе въ мгновеніе разступились и посрединѣ залы образовалось свободное пространство. Панъ Концацкій повелъ подъ руку Анну Павловну, панъ Карнашинскій—пани маршалкову, фонъ Вральманъ сталъ къ панной Ядвигой; нѣсколько паній и, пановъ, знако-

мыхъ партіи Концацкаго, также стали въ кругъ; образовалось до десяти паръ.

Флейты, кларнеты, гобои и всякаго рода трубы грянули мазура.

Панъ Концацкій первый пустился въ пляску, и несмотря на свою тучность и старость, великолѣпно танцовалъ; онъ ловко и граціозно поворачивался къ своей дамѣ, то отворачивался въ сторону, дѣлалъ веселую мину окружавшимъ его дамамъ; ловко пристукивалъ ногою, быстро вертѣлся, подпрыгивалъ какъ эластическій мячъ, и летѣлъ упоенный танцемъ. Вдругъ онъ остановился въ центрѣ круга и ударилъ въ ладоши; къ нему подбѣжали кавалеры. Анна Павловна бросила вверхъ свой платочекъ, и панъ Концацкій подпрыгнулъ, быстро схватилъ платокъ, и съ радостною улыбкою подалъ руку своей дамѣ, гордясь побѣдою надъ далеко младшими предъ нимъ кавалерами. — Протанцовавъ еще туръ, онъ вновь остановился среди залы, сталъ на колѣно, и ловко пропустилъ свою даму мимо себя, бросилъ ея платокъ къ пани маршалковой, и та обязана была танцовать съ нимъ. Также ловко, легко и увертливо протанцовалъ онъ съ пани маршалковою;

также сталъ предъ нею на колѣно, и пропустивъ ее мимо себя, возвратился къ своей дамѣ, и съ изысканнымъ поклономъ, съ легкимъ прыжкомъ, подалъ ей платокъ. За Концацкимъ продолжали ту же фигуру слѣдовавшія пары. Танцуя панна Ядвига замѣтила въ толпѣ молодаго русскаго офицера, улыбнулась ему, и когда пришла къ ней очередь бросить вверхъ платокъ, она подала его тому офицеру. Офицеръ съ восторгомъ пустился въ пляску съ очаровательною полькою.

— Москалика выбрала! — сказалъ съ видимой досадой панъ Концацкій.

— А, панна Ядвига, завше дае первшеньство москаликомъ пржедъ нашо брацiо! — съ досадою произнесъ панъ Карнашинскій.

— Зачѣмъ вмѣшивать въ нашъ кругъ этихъ хлоповъ.... произнесъ рыжій, гладко обстриженный молодой полякъ, стоявшій въ парѣ за Карнашинскимъ.

— То выборъ панны, — съ язвительною улыбкою отвѣтилъ Карнашинскій.

— Кѣпски выборъ.

— Тсъ.. съ.. настанетъ иной часъ и все пройдетъ.

— Пуки часъ тенъ настапѣ, я каркъ скрепце тему москаликови!..—произнесъ рыжій полякъ.

— Панѣ, не мѣшай огульней забавы...

— Нѣтъ, панѣ Карпашинскій, будь покоенъ, я не здѣсь съ нимъ развѣдаюсь... Онъ своею хлопскою лапой замаралъ перчатку панны Ядвиги, и этого довольно, чтобы я его проучилъ.

— Это потомъ.

— Конечно: [illegible]

Кончился мазуръ и начался краковякъ. Танцовавшіе польки и поляки, какъ дервиши бѣсились до нельзя; звяканье шпоръ, и металическихъ подковъ, такъ какъ каждый панъ въ то время, носилъ сапоги съ длинными, лакированной кожи голянищами, съ каблуками подбитыми серебряными подковками; вскрикиванья, быстрыя тѣлодвиженія, подскакиванья, безпрерывное верченье паръ, составляли отличительный характеръ этого танца. Конецъ танца заключился какою то польскою пѣсенькою, пропѣтою танцовавшими поляками, въ которой панство выражало насмѣшку и презрѣнье надъ москалями. Умолкла послѣдняя нота оркестра, и танцовавшіе разошлись по сторонамъ залы.

Минутъ черезъ десять панъ Конццкій прохаживавщійся по залѣ съ Анной Павловной, подошелъ съ нею къ фонъ Вральману, ходившему съ панной Ядвигой.

— Енералѣ, товаржыство наше хцонцъ выразиць паньству вдзѣнчносць за оказане вами взглендры для товаржиства и жебы еще вѣнцей сближыць сѣ съ паньствемъ, прагнѣ зробиць вамъ заразъ же визыте въ ихъ дому. Чы згода, енералѣ?

— Очень благодаренъ за эту особую для насъ честь.

— Нехъ же пану бендзя вядомемъ, же заразъ вшысцы збѣрамысѣ до паньства.

Анна Павловна подала руку фонъ Вральману. Панъ Конццкій пожалъ съ особеннымъ жаромъ ручку Аннѣ Павловнѣ и фонъ Вральману, и скрылся въ толпѣ.

— Непріятно потому, что не во время все это; но нѣчего дѣлать. Поѣдемъ, Аннета, скорѣе, чтобы успѣть ихъ встрѣтить.

Фонъ Вральманъ съ Аннетой спустились по лѣстницѣ, и по прежнему едва прорвались сквозь густую и необозримую толпу жидовъ; прошли по улицѣ пѣшкомъ, нашли свой экипажъ, усѣлись и уѣхали.

X.

ПРИТЧА ВО ЯЗЫЦѢХЪ.

Экипажъ фонъ Вральмана поворотилъ изъ контрактовой улицы на Александровскую, и поровнявшись съ почтовымъ домомъ, внезапно былъ остановленъ бѣжавшею на встрѣчу его женщиною, лѣтъ двадцати пяти, одѣтою въ старый, диравчатый, суконный, коричневаго цвѣта байковый балахонъ, съ босыми ногами, въ грязномъ изорванномъ холщевомъ головномъ покрывалѣ.

— Что тебѣ нужно?— спросилъ оторопѣлый фонъ Вральманъ, неожидавшій такой встрѣчи.

— Ты знаешь Софію? это я, я Софія!... Посмотри, эти проклятые народы мучатъ меня! — Она указала на

стаю преслѣдовавшихъ ее мальчишекъ. — Скажи, гдѣ дочь моя Оля, ты знаешь гдѣ Оля, куда ее увезъ отъ меня проклятый ея отецъ?..

— Полковница, а полковница!... Софія... а Софія, безумная твоя голова!. кричали мальчишки,—гдѣ твоя родня?.. Твоя собака ѣсть хочетъ, накорми ее...

— Ахъ вы проклятые пострелёнки! ахъ вы идолы кіевскіе! ахъ вы лизоблюды сатрапскіе!. вы меня называете полковницей?.. исчадіе ада!. вы.... вы, я, я Софія, вы всю жизнь мою преслѣдуете меня!.. вы, вы... друзья этого мерзавца, увезшаго мою Олю, мое рожденіе, мою радость, мою жизнь!.. Она зарыдала.

— Судариня, что вамъ угодно?—повторилъ вопросъ фонъ Вральманъ, и вынувъ пятизлотную монету хотѣлъ ее подать несчастной, стоявшей у его экипажа.

— Ты негодяй, ты богачь—нищій, и еще смѣешь мнѣ милостыню подавать! Возьми ее себѣ на хлѣбъ, на кутежъ; ты мнѣ отдай Олю, отдай мнѣ мою дочь!.. Ты знаешь куда ее скрылъ отъ меня мерзавецъ, негодяй этотъ, осмѣлившійся писать въ прошеніяхъ, что я его жена. Нѣтъ, я Софія!... Гдѣ моя Оля, дочь моя.... скажи мнѣ?

Кучеръ тропулъ лошадей, экипажъ помчался быстрѣе прежняго, и Софія, съ своимъ вѣрнымъ и единственнымъ въ мірѣ другомъ—большею темно бурою собакою, отошла всторону, захватила въ руку кусокъ снѣгу, и пошла далѣе посерединѣ улицы. Опа безпрерывно останавливалась, оборачивалась, затрогивала встрѣчныхъ, и произносила ругательства и угрозы. Вдругъ мимо ея мчится одинъ за другимъ до десяти экипажей запряженныхъ цугомъ, въ краковской упряжѣ. Хлопанье бичей ее останавливаетъ. Въ каждомъ экипажѣ сидитъ панъ и рядомъ съ нимъ жидъ. Софія безсмысленно смотритъ на этотъ поѣздъ.

— Проклятые!.. гдѣ моя Оля, гдѣ моя дочь?...

— Стой!—закричалъ кучеру панъ Концацкій, ѣхавшій въ огромныхъ саняхъ, четверкою въ краковской упряжѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его жидъ.

Сани остановились.

— Пани Софія, прошу подойти поближе.

— Что ты, отдаешь мою Олю?

— Подойди поближе, отдамъ...

Сумасшедшая повиновалась.

— Пани Софія, не для тебя, но для твоей собаки возьми деньги, это ей на кормъ.

— Для моего трезора возьму, а для меня твоего подаянія ненужно.

— Панѣ Лейба, проше дацъ сто злотыхъ.

Жидъ поспѣшно вынулъ свертокъ, въ которомъ было сто злотыхъ, и подалъ женщинѣ. — Сумасшедшая взяла деньги, спрятала ихъ въ грязный мѣшекъ, и сказала:

— Благодарю; это для трезора моего, а не для меня. Гдѣ же моя Оля?

— Скоро, скоро ты ее увидишь!

— Скоро?...

— Да!

Кучеръ хлопнулъ бичемъ и сани быстро унеслись. Сумасшедшая постояла съ минуту, смотря во слѣдъ умчавшихся саней, и потомъ пошла своей дорогой, а за нею, понуря голову, медленно шла ея послушная собака.

XI.

ГОНОРОВЕ ПАНСТВО.

Къ фонъ Вральману пріѣхали паны съ своими вѣчными спутниками жидами: панъ Концацкій съ Лейбою Рапоромъ, панъ Карнашинскій съ Мойшемъ Балаконьскимъ, панъ графъ Северинъ Брабацкій съ Ицкомъ Качемъ, и еще нѣсколько пановъ и множество жидовъ.

Панство прихорошившись въ передней, храбро, покручивая усы, вошло въ залу. Хозяинъ и хозяйка очень любезно встрѣтили гостей. Паны начали такъ горячо лобызаться съ Вральманомъ, какъ братъ съ братомъ не цалуются при встрѣчѣ и послѣ четверти вѣковой разлуки. Таковъ ужъ обычай прямодушныхъ пановъ,

хотя эти поцалуи и жаркія объятія были очень не по вкусу фонъ Вральмана; но понимая ихъ силу, онъ однакоже, немогъ изъ приличія., уклониться отъ неизмѣннаго обычая.

— Прошу садиться,—любезно, съ пріятною улыбкою, съ свѣтлымъ выраженіемъ лица, произнесла Аннета, указывая панству на кресла, стоявшія въ гостинной, во кругъ стола, садясь сама на диванъ.

Гонорове панство, вертясь и болтая пустыя, веселыя фразы, и продолжая покручивать усы, садилось на указанныя мѣста. Жиды жарко тараторя между собою и сильно жестикулируя, остались въ залѣ; среди ихъ былъ и щедушный Іось.

Августъ фонъ Вральманъ сѣлъ подлѣ тучнаго пана Концацкаго, который едва умѣстился въ креслѣ. Онъ въ тотъ же мигъ обратился къ Вральману съ разговоромъ:

— Чы панъ енералъ перши разъ у насъ на контрактахъ?

— О, нѣтъ, я въ прежніе годы часто, по нѣсколько мѣсяцевъ живалъ въ Кіевѣ.

— Панъ енералъ муви по польску?

— Нѣтъ.

— А по французску?

— Говорю немного; говорю и по нѣмецки, и по италіянски и даже по турецки... но всегда разговоръ въ обществѣ веду на русскомъ языкѣ; анекдоты и всякую чушь въ обществѣ разсказываю на всѣхъ иностранныхъ языкахъ,—съ улыбкою произнесъ фонъ Вральманъ.

— Кепьско, пане серце,—съ ироническою гримасою сказалъ Концацкій.

— Отчего такъ?

— Новѣмъ пану енералови правде: не любѣ москѣвской мовы; я самъ естемъ родовитымъ полякемъ одъ дзесіонтего колѣна шляхцицъ по мечу и кондзѣли....

— Никакой языкъ неимѣетъ отношенія къ лицамъ разныхъ національностей, встрѣчающихся въ общественномъ быту....

— Такъ естъ; — але пане серце, кажды люби свое родзоне....

— Это такъ; но скажу вамъ, я не полякъ, а по фамиліи скорѣе нѣмецъ нежели русскій, но предпочитаю всѣмъ прочимъ языкамъ русскій:.. потому что живу въ Россіи......

— Пане енералѣ, объ этомъ оставимъ говорить; я

буду съ паномъ хотя дурно, говорить по московски. Какъ панъ находитъ контракты?—

— Вчера я пріѣхалъ въ Кіевъ, сегодня въ первый разъ посѣтилъ контракты и ничего еще немогу сказать Большая ли игра?..

— О, игра въ этомъ году очень значительна. Панъ Прушиньскій выигралъ пятьдесятъ тысячь злотыхъ у пана Ромуальда Гедроцкаго, а панъ Абрумъ Лейбовскій, то знаменитый каменецкій банкиръ, проигралъ семьдесятъ три тысячи злотыхъ... Панъ енералъ желаетъ вести большую игру?. — съ особо сильнымъ любопытствомъ спросилъ Копцацкій, и на его лицѣ, въ минуту произношенія этихъ словъ, рѣзко изобразилось непреодолимое чувство проникнуть самыя тайныя помыслы фонъ Вральмана.

— Если представится случай, —очень холодно отвѣтилъ Вральманъ.

— Смѣю спросить: можетъ быть панъ енералъ желалъ бы свой банкъ открыть?

— Этого я не желаю; впрочемъ, быть можетъ какой разъ и заложу банкъ.

— О, пане енералѣ, какъ это выгодно; если панъ

енералъ можетъ заложить солидную сумму, такъ тысячъ сто злотыхъ, то вѣрный выигрышъ...

— Это еще немного.

— Можетъ панъ желаетъ въ долю?...

— И отъ этого неотқажусь.

— Какъ великъ капиталъ, которымъ можетъ располагать панъ енералъ?.. прошу извинить за нескромный вопросъ, но это дѣло общей выгоды; — я радъ быть полезнымъ пану енералу....

— Чтожъ здѣсь нескромнаго; банкъ игра общая: панъ закладывалъ банкъ, почему же незнать какую сумму я могу жертвовать для игры. Скажу вамъ, что я могу потерять на игру милліонъ семьсотъ тысячъ злотыхъ, но не болѣе, такъ какъ мнѣ предстоитъ выгодная операція.

Концацкій зачмокалъ губами, призадумался и потомъ, въ какомъ то раздумьи, произнесъ:

— Славная сумма! Вы пане енералѣ на настоящихъ контрактахъ богатѣйшій игрокъ; хотя и у насъ есть компанія панства и жидовъ, которая имѣетъ еще большую сумму, но компанейскую, а вы свою собственную; это большая разница.

— Панѣ Концацкій, я полагаю вы замѣтили, что я сегодня обыграла васъ, — любезно сказала Аннета, обратясь къ Концацкому, говоря до того съ болтливымъ обществомъ пановъ, изъ которыхъ каждый засыпалъ ее самыми приторными, льстивыми фразами, воображая, что эти фразы для нее самыя любезныя и пріятныя, и въ тоже время стараясь придать своимъ физіономіямъ важное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное выраженіе.

— Для такой прелестной особы, какъ пани енералова, я готовъ проиграть девять частей изъ всего моего капитала, и буду считать себя вполнѣ счастливымъ... съ особою жеманностію произнесъ Концацкій, вертясь въ своемъ креслѣ и подскакивая какъ эластическій мячъ.

— Благодарю пана, — съ любезною улыбкою проговорила Аннета. — Скажите, много ли женщинъ, рѣшающихся испытывать счастіе въ игру?

— Да, почти всѣ наши жены играютъ, — а евреекъ очень много. Пани Сурка Бургенштейна и Бѣля Рапоръ играютъ каждый день, и всегда въ выигрышѣ, — сказалъ панъ Карпишинскій.

— Умно играютъ!

— Счастливо, — отозвался одинъ изъ пановъ.

Во время разговора два официанта гостинницы, на большихъ посеребряныхъ подносахъ принесли въ залу завтракъ, для гостинницы весьма прилично сервированный,—такъ какъ только могъ и умѣлъ сервировать, во время оно, добрый Фильдекосъ, и какая нынѣ сервировка вовсе немыслима ни въ одномъ прислоутомъ кіевскомъ отелѣ. На подносѣ стояло нѣсколько прекрасныхъ, богемскаго хрусталя графиновъ съ старкою и другими водками; нѣсколько бутылокъ хорошаго шато-лафитта, и три или четыре бутылки настоящаго токая, которое нынѣ въ Кіевѣ, только по названію продается, а въ сущности отвратительная микстура, въ которой и капли нѣтъ виноградпаго вина.

Панъ Концацкій, наговоривши кучу приторно сладенькихъ фразъ Аннетѣ, обратился къ фонъ Вральману.

— У папа есть жидекъ?

— Какой жидекъ?—съ удивленіемъ спросилъ фонъ Вральманъ,—здѣсь есть какой-то жидокъ Іось!

— Нѣ, панѣ, то что другое; у пана долженъ быть повѣренный жидекъ, отъ всѣхъ самый близкій къ пану. Безъ жидка ни одинъ порядочный панъ жить неможетъ. Жидекъ долженъ быть вездѣ и всегда съ паномъ: какъ

собака долженъ быть ему вѣренъ, и служить день и ночь. У меня два жидка живутъ изъ процентовъ; оба они очень порядочные....

— Я вовсе не нахожу надобности въ такомъ существѣ....

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть панъ этого не думаетъ: безъ жидка панъ не можетъ жить.

По лицу фонъ Вральмана пробѣжала едва замѣтная, ироническая улыбка.

— Такъ, такъ, панѣ серце, панѣ добродзѣю. Панъ сказалъ, что согласенъ по игрѣ вступить въ компанію съ польскимъ панствомъ.

— Почему нетакъ, если игра можетъ быть обезпечена...

— О, объ этомъ пусть панъ несомнѣвается: навѣрное панъ къ своему милліону злотыхъ, прибавить еще нѣсколько сотъ тысячь злотыхъ..

— Это было бы недурно.

— Знаешь, панѣ серце, здѣсь сто тысячь чертей, мелюзги, которая имѣетъ отъ сотни до нѣсколькихъ тысячь злотыхъ, суется выиграть и проигрываетъ послѣдній *шелягъ*. Есть и панство играющее безъ всякаго расчета; есть и множество богатыхъ жидковъ и всѣ они

слѣпо лѣзутъ въ поставленную имъ ловушку и оставляютъ деньги банкометамъ. Компанія наша прежде всего имѣетъ ихъ въ виду и получаетъ отъ этого значительныя деньги. Пусть только панъ енералъ позволитъ мнѣ прислать къ нему моего жидка Лейбу Рапора, и онъ, я увѣренъ, съумѣетъ окончить съ паномъ это важное дѣло.

— Какъ пану будетъ угодно...

Въ то мгновеніе когда изъ устъ каждаго пана сыпались десятки сахарныхъ фразъ, обращенныхъ къ Аннетѣ, когда она, для приличія только, дѣлала пріятную улыбку и отвѣчала такими же любезностями, когда разговоръ былъ въ самомъ разгарѣ, въ дверяхъ гостиной появился официантъ и произнесъ польскую фразу:

— Снядане подано.

При этой фразѣ Аннета поднялась съ мѣста и обратясь къ панству сказала:

— Прошу покорно позавтракать.

Разговаривая и шумя, все общество двинулось изъ гостиной въ залу и разсѣлось, по приглашенію хозяевъ, по мѣстамъ.

— Вудечки, проше панства,— съ пріятною улыбкою

сказала Аннета потому, что произнесла эту фразу по польски, неговоря на этомъ языкѣ ни слова болѣе.

— Вудка высмѣнита, але у мнѣ, панѣ енералѣ, естъ столѣтния старка; — мушо пана конечнѣ почепстовацъ... сказалъ Концацкій.

Панство пило и закусывало, ни на мгновеніе непереставая болтать, кричать, увѣрять другъ друга въ неизмѣнной дружбѣ и разсказывать о своихъ громкихъ и счастливыхъ побѣдахъ на зеленомъ полѣ.

Разлили въ рюмки венгерское.

Аннета и фонъ Вральманъ пригласили панство попробовать венгерское. Фонъ Вральманъ сказалъ, что за качество венгерскаго онъ неотвѣчаетъ, такъ какъ оно куплено въ Кіевѣ, гдѣ впрочемъ, есть отличныя вина въ погребахъ Чайковскаго и Слопицкаго, но только не у пановъ Якушинскаго и Пивчинскаго, кои сами составляютъ микстуры, крестя ихъ именами всевозможныхъ французскихъ, венгерскихъ и испанскихъ винъ.

— А я, пану енералу, скажу, — началъ рѣчь Карпазинскій, — что такой старки и такого венгерскаго, какое теперь привезъ съ собою, изъ своего имѣнія панъ Концацкій, я во всю жизнь мою не нивалъ, хотя я

добры піяка. Слово гонору дае, же такѣ трунки могли бы смяло быць наветъ на крулевскимъ столѣ.

— Правда паньска, — произнесъ графъ Брабацкій, — хочяжъ мамъ въ глубнымъ свымъ маёнтку велько пивнице, але немамъ такего венгерскѣго, яке посяда панъ Концацки.

— Пошлій, панѣ серце, до себѣ, за кильку бутельками венгерскего, ктуре выпіемъ тутай въ милей компаній, — сказалъ панъ Карнашинскій.

— Прекрасная мысль! — произнесъ Концацкій, приподымаясь съ мѣста, желая позвать официанта.

— Ради Бога, не безпокойтесь, панѣ Концацкій, вѣдь это можно сдѣлать и въ другое время, — проговорила Аннета.

— Нѣтъ, нѣтъ, пани енералова, — закричало все панство. Пана Карнашинскаго отличная мысль; сейчасъ послать къ нему.

— Посылай панъ заразъ, — сказалъ графъ Брабацкій.

— Панъ Лейбо, сядай въ муй повузъ, ѣдзь до мего дому и пржывезь дзесѣнць бутелекъ стараго венгерскего, за моіо печенціо...

Лейба Рапоръ, трактовавшій по отдаль отъ пан-

ства съ жидами, считая себя въ средѣ ихъ аристократомъ, услышавъ слова Концацкаго, однимъ скачкомъ приблизился къ столу, за которымъ сидѣло панство, и спросилъ:

— Цо ясневельмозны панъ каже?

Концацкій повторилъ фразу.

— Въ тенъ моментъ, ясневельмозны панѣ, — произнесъ Лейба и быстро исчезъ изъ комнаты.

Кіевское венгерское паны пили причмокивая губами, хвалили и хулили его достоинство, и наконецъ порѣшили, что въ немъ и одной капли нѣтъ вина а тѣмъ болѣе венгерскаго; что это микстура кіевской фабрики пана Покрицкаго, который какъ извѣстно всему панству, поддѣлываетъ всѣ вина и дорого ихъ продаетъ за настоящія. Карнашинскій къ такому заключенію панскаго ареопага, очень хладнокровно добавилъ:

— Почему Покрицкому недѣлать микстуръ и не продавать ихъ за вино когда: *полякъ глупи, вшыстко купи*...

Панство громко и отъ чистаго сердца разхохоталось, нестолько отъ смысла поговорки, сколько отъ спиртовыхъ паровъ, начинавшихъ одурять ихъ головы.

Квартира милліонера злотыхъ, пана Концацкаго,

была среди природнихъ кіевскихъ трущобъ: на Оболони, въ ветхомъ небольшомъ домикѣ. Несмотря на весьма далекое разстояніе отъ Hotel Victoria, Лейба въ полъ часа возвратился съ десятью бутылками венгерскаго.

Полупьяная гоноровая компанія встрѣтила появленіе Лейбы у дверей громкими возгласами. Самодовольный жидъ Рапоръ поставилъ бутылки на столѣ, передъ панствомъ.

— Отъ вино то южъ правдзиве венгерскѣ вино, якемъ шляхцицъ, — произнесъ Концацкій, взявши одну бутылку и начиная ее раскупоривать.

— Нехъ ясневельмозны панъ позволи мнѣ одкурковаць бутельке, — сказалъ Лейба.

— Дзенкуѣ пана, южъ я самъ одкурковалъ, — отвѣтилъ Концацкій, взялъ двѣ рюмки, налилъ вина и поднесъ одну изъ нихъ Аннетѣ, а другую фонъ Вральману.

— Благодарю пана, — произнесла Аннета. Будемъ же всѣ пить вмѣстѣ.

— Прошу панства отвѣдать, прошу наливать каждый себѣ; панъ грабіо Северынѣ прошу пить, — сказалъ Концацкій наливъ третью рюмку и подавъ ее графу Брабацкому.

Папство начало пить, по обыкновенію нюхать аромать вина и причмокивать губами.

— Пышне вино; слово гонору дае, на цале крулество не зналесць такего вина... произнесъ графъ Брабацкій.

— Стефанъ Баторы лепшего непіялъ,—сказалъ полупьяный Карпашинскій.

— Пржыѣзжали до ясневельмозного пана до дому, панове Фендороскій и Джеркачъ, — сказалъ Рапоръ Конпацкому.

— Цужъ ты имъ поведзялъ?

— Я поведзялъ же панъ тутай.

— А они на то?

— Они пржыядо тутай, поневажь поведзѣли же маіо бардзо вельки интересса, до ясневельмозного пана.

— Бардзо добже, панѣ Лейбо.

Въ тужъ минуту растворилась дверь изъ передней, и въ залу вошли два, среднихъ лѣтъ господина; черты ихъ лицъ, маперы впередъ говорили, что это два русскихъ помѣщика. И дѣйствительно, это были Федоровъ, помѣщикъ одной изъ сосѣднихъ губерній съ кіевскою и толстый, приземистый, шарообразный Дер-

жачъ, владѣтель славнаго имѣнія въ малороссіи и притомъ большой капиталистъ.

Концацкій поднялся съ мѣста, протянулъ руки обоимъ гостямъ и потомъ отрекомендовалъ ихъ хозяевамъ, которые любезно пригласили гостей въ общую компанію.

Карнашинскій обошелся съ ними какъ съ незнакомыми; графъ Северинъ Брабацкій также подалъ обоимъ руку. Когда гости усѣлись, Карнашинскій подошелъ къ графу Северину, отвелъ его всторону и шопотомъ, но съ досадой спросилъ, указывая взоромъ на помѣщика Федорова:

— На цо подалесь му ренке?

— Дай покуй, муй коханы: хоцяжъ и москаль але добрже мыслёнцы;—тихо и спокойно отвѣтилъ ему графъ Северинъ.

— Якѣ лихо добже мыслёнцы; внакъ невлезешь въ его душе. Онъ москаль а венцъ и нашъ вругъ.

— Быць може же вругъ, але тему найвенцей мы сами, поляцы, винни.....

— Этъ, нехце наветъ слухаць глупства яке панъ

мувышъ,—сказалъ, сильно опьянѣлый Карнашинскій, и отошелъ отъ графа Северина.

— Панѣ енералѣ,—громко началъ говорить Концацкій,—выпьемъ еще венгерскаго, и знаешь ли панъ, мы всѣ просимъ пана енерала позволить намъ у пана немного поиграть въ банкъ. Пани енералова, мы васъ не обезпокоимъ?

Фонъ Вральманъ быстро перемигнулся съ Аннетой.

— Сдѣлайте милость, панѣ Концацкій, какое здѣсь безпокойство... нехотя отвѣтила Аннета.

Концацкій всталъ, приблизился къ Аннетѣ и съ жаромъ поцѣловалъ ея руку.

— Если такъ, то пійцѣ пановѣ вино, и до зеленого поля; небендзѣмь трацицъ злотего часу.

Аннета ушла въ гостинную, позвонила; явился офиціантъ и фонъ Вральманъ приказалъ приготовить два игорныхъ стола и карты.

Концацкій налилъ рюмки венгерскаго и пригласилъ отвѣдать вина Федорова и Деркача. Замѣтно было, что эти господа неохотно приняли приглашеніе, но взяли рюмки и при пожеланіи всѣхъ благъ міра хозяевамъ и Концацкому осушили рюмки.

— Каково вино?—спросилъ Концацкій.

— Да, ничего, хорошее,—произнесъ Федоровъ.

— Можно пить,—равнодушно отвѣтилъ Деркачъ.

— Прошу, папувъ, еще по келишку, вино доброе,— и опять Концацкій наполнилъ рюмки для всей компаніи.

Подали столики, положили карты и мѣлки.

— Папе Лейба, проше высыпаць на стулъ тысёнцъ дукатувъ, — обратясь къ жиду Рапору, сказалъ Концацкій.

— А можетъ быть папъ енералъ желаетъ заложить банкъ.

— Благодарю покорно; прошу пана начать.... отвѣтилъ фонъ Вральманъ.

— Съ удовольствіемъ, и я начну...

Лейба положилъ на столъ груду червонцевъ.

Концацкій сѣлъ у стола, взялъ карты и началъ ихъ тасовать.

— До компаній пановѣ, до компаній проше, кто хце грацъ.

Панство усѣлось вокругъ стола, который немедленно окружили жиды. Федоровъ и Деркачъ, разговаривая между собою, сѣли по отдаль.

— Начинаю метать! — произнесъ Концацкій.

Усѣвшіеся подлѣ стола, взяли карты и поставили на куши.

Въ ту минуту Аннета и фонъ Вральманъ вышли въ гостиннуую.

— Что изъ этого будетъ, я непонимаю! — сказала Аннета. Что за обхожденіе такое этого панства: насильно навязываться въ знакомство, въ чужомъ домѣ поччивать своимъ виномъ, приглашать вовсе неизвѣстныхъ лицъ, и заводить игру.... Вѣдь мы, Августъ, нетакъ къ нимъ близки.. да и близкіе этого нетерпятъ, сердито говорила Аннета.

— Оставь, мой другъ, чтожъ дѣлать... пусть ужъ это такъ на первый разъ. Я полагаю, что польское панство освѣдомившись отъ этого мерзкаго жида Іося, что я привезъ значительную сумму денегъ, воображаетъ захватить меня въ свои сѣти; но ты меня знаешь.

— Я думаю!... ты небудешь играть?

— Не иначе, какъ заложу банкъ.

— Конечно; но будь остороженъ...

— Еще бы.

Они возвратились, въ залу; игра уже шла своимъ порядкомъ.

— Пани енералова, прошу поставить карту на кушъ,— сказалъ Концацкій.

— Только для удовольствія папа, хотя, скажу откровенно, я сегодня вовсе нерасположена играть.

— Очень благодарю пани.

Аннета вынула карту изъ средины колоды, которую подалъ ей услужливый панъ Попельницкій и дрожащею рукою, написала на столѣ, скрыто отъ банкомета, цыфру тридцать, и вовсе безъ сознательно ея трепетная рука вывела еще два лишнихъ пуля. Аннета цыфру прикрыла картою, и отошла всторону.

Концацкій стасовалъ карты, и изъ вѣжливости попросилъ Аннету снять. — Аннета сняла карты. Концацкій переворотилъ колоду, понтеры открыли карты. Въ рукахъ Концацкаго карты быстро летали на право и на лѣво и, вдругъ, о ужасъ! дама пикъ, поставленная Аннетою, сорвала банкъ.

— Пани сорвала банкъ!...—громко, не своимъ голосомъ закричалъ полупьяный Карнашинскій.

— Тсъ, — шопотомъ произнесъ фонъ Вральманъ об-

ратясь къ Аннетѣ и дернувъ ее за рукавъ.— Кто сорвалъ? — хладнокровно спросилъ фонъ Вральманъ.

— Пани енералова,—отвѣтилъ Карнашинскій.

— Рѣшительно, но счастливо,—съ улыбкою произнесъ Концацкій, и всю груду золота отодвинулъ отъ себя.

— Возьмите вашъ выигрышъ,—сказалъ Попельницкій, подвигая золото къ Аннетѣ.

— Неожидала такого выигрыша.

— Случается,—хладнокровно произнесъ Концацкій, и обратясь къ своему жиду, приказалъ ему положить на столъ пять тысячь дукатовъ.

Между тѣмъ панство очень усердно попивало венгерское, расхваливая его до небесъ.

Число понтировавшихъ увеличилось фонъ Вральманомъ, Федоровымъ и Деркачемъ. Игра шла енергически. Жиды безпрерывно, кстати и не кстати, вмѣшивались въ игру. Карнашинскій сильно подпившій путался въ счетахъ и проигрывалъ; панъ, Прохнецкій игралъ удивительно хладнокровно и оставался при своихъ; Федоровъ ставилъ малые куши и выигрывалъ самую пустую сумму; Деркачъ два раза ставилъ карту и выигралъ до ста дукатовъ. Несмотря на

такое положеніе игры, Концацкій выигралъ болѣе шести тысячь дукатовъ, и съ согласія всѣхъ прекратилъ игру.

Панство упросило хозяина продолжать банкъ, и не смотря на просьбы фонъ Вральмана, его заставили заложить банкъ; онъ немогъ противустоять общимъ просьбамъ, и положивъ на столъ десять тысячь рублей полуимперіалами, началъ банкъ.

Концацкій, Карпашинскій, Попельницкій и все прочее гоноровое панство, Федоровъ и Деркачь и жиды. Рапоръ и другіе, приготовились понтировать. Жидки, по прежнему, окружили столъ. Венгерское продолжало литься. Концацкій угощалъ Лейбу и другихъ жидовъ.

— Господа, я долженъ васъ познакомить съ методой моей игры. Я рѣшительно недозволяю себѣ произносить ни однаго лишняго слова во время игры въ банкъ; это вѣрное средство для устраненія споровъ и недоразумѣній среди играющихъ.

— О, это превосходно! — закричалъ Концацкій, развалясь полупяный въ креслѣ.

— Да, вотъ такъ и слѣдуетъ вести игру! — почти въ одинъ голосъ крикнуло панство.

— Игру начинаю, — прошу ставить карты.

Быстро всѣ поставили карты, написавъ куши. Началась игра. Полусонный Концацкій, предаваясь дремотѣ въ креслѣ, вдругъ закричалъ:

— Панѣ Лейбо, ставъ на муй реванжъ туза дзесѣнць тысѣнцы дукатувъ.

— Панѣ, ясывельмозны панѣ, нехъ папа Бугъ брони!... со страхомъ проговорилъ Лейба.

— Ставь и мильчъ, ани писній!...

Дрожащими руками Лейба Рапоръ, съ черною густою бородою, видный собою жидъ, аристократъ въ своей средѣ, поставилъ карту—туза, и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ.

Фонъ Вральманъ молча стасовалъ карты, далъ колоду срѣзать Лейбѣ; переворотилъ ее, и первая же карта тузъ, пала на сторону фонъ Вральмана.

— Тузъ убитъ,—прошу прислать,—хладнокровно сказалъ фонъ Вральманъ.

— Дай ему десять тысячь дукатовъ!—съ гоноромъ возгласилъ Концацкій.

Съ тяжкимъ вздохомъ Лейба отсчиталъ десять тысячь, и подалъ банкомету.

Панство несмѣло противурѣчить Концацкому, несмотря на его ненормальное положеніе.

— Ставь на свой счетъ еще десять тысячь дукатовъ: — выиграешь будутъ твои, проиграешь — отвѣчаешь; — несвязно проговорилъ полусонный Концацкій.

Мы должны замѣтить, что Аннета, за полъ часа до этого, ушла въ свою комнату, отъ зрѣлища возмущающаго ея чувства.

— Папѣ, яснывельможный панѣ, что изъ этого будетъ? — плачевнымъ голосомъ говорилъ Лейба Рапоръ.

— Ставь, приказываю! — сердито произнесъ Концацкій.

— Ну, ставь, когда тебѣ говоритъ панъ Концацкій, — сказалъ Попельницкій и повторилъ Карнацинскій. Лейба дрожащими руками выбралъ карту, написалъ на столѣ цыфру 10,000 и накрылъ ее картою.

— Готово? — спросилъ фонъ Вральманъ.

— Начинайте, — сказалъ Попельницкій.

— Да, готовы, мечите, — добавилъ Федоровъ.

Деркачъ срѣзалъ колоду; фонъ Вральманъ оборотилъ колоду.

— Прошу вскрыть карты, — возгласилъ фонъ Вральманъ. Понтеры вскрыли, У Лейбы оказалась дама.

Шибко летятъ карты на лѣво и на право. Фонъ Вральманъ только на мгновеніе прерываетъ метанье, произнося: валетъ данъ, семерка дана, десятка бита, король битъ...

Дошло и до дамы.

— Дама бита.

Лейба всѣмъ тѣломъ грянулся на полъ.

— О, вай миръ! о, вай миръ! я несчесливы жидекъ!. О, вай миръ! на цо то панъ Концацкій казалъ мнѣ поставиць своихъ родзоныхъ, своихъ крвавымъ потемъ запрацованыхъ дукатувъ. Я и жона и дзеци теразъ зостали безъ кавалка хлѣба! — кричалъ Лейба, качаясь по полу какъ безумный.

— Слышишъ Лейбо, — началъ панъ Концацкій, очнувшись отъ дремоты: — ты проигралъ десять тысячь дукатовъ, ну, а что если бы ты выигралъ?! о, тогда ты забылъ бы пана Концацкаго!... А знаешь, что я тебѣ жидку, скажу, встань дайдаку и слухай:

Лейба охая всталъ, и блѣдный и трепещущій приблизился къ креслу Концацкаго.

— Слухай, цо я тобѣ Лейбо повѣмъ.

— Ну, цо панъ пови?

— Слухай:

„Зебралисѣ жыдзи
„На войне идзи:
„Рабинъ взiолъ карабинъ,
„Ицекъ взiолъ смычекъ,
„Мойсл взiолъ прося....

— Ой, гвултъ! нацо такего пѣсьни спивацъ? ясному пану жарты а мнѣ, бѣдному жидкови, гвултъ.

— Лейбо, помни, что ты жидекъ, а я родовитый полякъ—панъ Концацкiй.— Прошу пана енерала получить отъ меня и эти 10000 дукатовъ; а Лейба пойдетъ на войну и у рабина возьметъ карабина; когда онъ на войнѣ достанетъ денегъ, тогда и мнѣ заплатитъ.

Лейба бросился цаловать ноги Концацкаго.

Хмель одолѣлъ всѣхъ. Игра невязалась. Фонъ Вральманъ выигралъ до пятидесяти тысячь дукатовъ. Корнашинскiй, Концацкiй и Попельницкiй буквально уже спали.

— Господа, я закрываю игру!—громко произнесъ фонъ Вральманъ, и загребъ золото.

Трезвые отошли отъ стола, а уснувшіе спокойно храпѣли въ креслахъ. Несмотря на такое состояніе честной компаніи, еще осталось нетронутыхъ три бутылки венгерскаго.

XII.

POUR LA BONNE BOUCHE.

Фонъ Вральманъ часу въ десятомъ утра уѣхалъ по своимъ дѣламъ на контракты; Аннета занялась туалетомъ, въ ожиданіи званныхъ и незванныхъ друзей и пріятелей. Она уже успѣла познакомиться съ двумя дамами: генеральшей, которую знакомые прозвали кухаркой, и съ вдовой капитана, именовавшеюся полковницей, а знакомые ее называли торговкой. Къ полудню Аннета вышла въ гостиную и занялась чтеніемъ какого то романа Бальзака, который ей сообщила любезная Аманда. Она очень заинтересовалась чтеніемъ и незамѣтила какъ въ гостиную вошелъ официантъ.

— Мадамъ желаетъ видѣться съ вами.

— Кто?

— Мадамъ Фильдекосъ.

— Проси.

Официантъ ушелъ.

Чрезъ пять минутъ Аманда показалась у дверей съ небольшимъ серебрянымъ кофейнымъ сервизомъ. Она сама приготовила для Аннеты и себя кофій, узнавъ, что Аннета очень любитъ этотъ напитокъ.

— Мадамъ, я надѣюсь, что вы неоткажите мнѣ пить сомною кофій, зная, что вы очень любите кофій, я сама его приготовила.

— Мадамъ, какъ вы обязательны.

Аманда поставила сервизъ на кругломъ столикѣ и усѣлась у окна подлѣ Аннеты.

— Вы читаете Бальзака?

— Да, я вамъ очень благодарна за этотъ романъ.

— Неправда ли интересный романъ?

— Очень, очень!...

— Ah, madame, je veux vous faire part d'une nouvelle, des plus intéressantes, quoi qu'un peu scandaleuse, которую услышала сегодня отъ моей задушевной пріятельницы, мадамъ Александринъ Гильдеманъ.

— Пожалуйста, мадамъ.

— Figurez vous, madame, qu' une jeune demoiselle, met au monde un enfant, fruit d'un amour illégiteme, et foulant aux pieds tous sentiments maternels, avec une indifférence sans pareille, elle fait passer entre les mains d'une femme inconnue son enfant, dont elle se sépare pour toujours sans en épouver le moindre remords. N'est ce pas, que c est une horreur quell infamie?!— дрожа всѣмъ тѣломъ, въ сильномъ экстазѣ, говорила Аманда.

— Вотъ какъ! какъ же это случилось?

— Слушайте, я вамъ мадамъ разскажу все: онъ полковникъ и семейный человѣкъ; я вамъ его когда либо укажу: онъ росту выше средняго, лице довольно круглое, красноватое, глаза сѣроголубые. Вы его часто можете видѣть въ обществѣ, въ военной формѣ. Il a fait la connaissance, d'une jolie demoiselle et le reste.... vous le comprendrez.

Аннета въ знакъ отвѣта кивнула головой.

— Этотъ господинъ въ прошлый вторникъ, это кажется было одинадцатаго или семнадцатаго іюня, присылать къ моей знакомой Александринѣ Гильдеманъ, въ преогромномъ конвертѣ записку, назначая ей свида-

ніе подлѣ церкви Георгія, въ одномъ домикѣ, гдѣ онъ нанимаетъ для свиданій квартиру. Это очень удивило мою пріятельницу, и она разсудила немедленно побывать у полковника.

— Какое дѣло вы имѣете ко мнѣ, назначая мнѣ свиданіе въ неизвѣстномъ мѣстѣ?— серіозно спросила моя знакомая. Надобно вамъ замѣтить, что Гильдеманъ очень бойкая женщина.

— Ахъ, мадамъ, извините, я скажу откровенно крайне нуждаюсь въ вашей помощи. Ради Бога помогите мнѣ на этотъ разъ, а я постараюсь много разъ быть къ услугамъ вашимъ.

— Что вы желаете отъ меня?

— Впередъ дайте честное слово, что неоткажетесь исполнить мою просьбу и, что все, что узнаете, будетъ на всегда и для всѣхъ тайною.

— Хорошо, если только я въ состояніи исполнить вашу просьбу; а тайны я умѣю хранить, въ этомъ несомнѣвайтесь.

— Это дѣло очень обыкновенное и легкое.

— Все же я незнаю въ чемъ дѣло?...

— Я васъ прошу поѣхать со мною къ одной молодой

особѣ, взять ея новорожденное дитя и отвезти въ тотъ домъ, котораго я дамъ вамъ адресъ, — говорилъ полковникъ съ сильнымъ сердечнымъ потрясеніемъ, какъ замѣтила Александрина.

— Это еще нетакъ трудно; пожалуй, я готова къ услугамъ вашимъ.

— Завтра въ пять часовъ, послѣ обѣда, пріѣзжайте ко мнѣ, я васъ жду.

— Хорошо, пріѣду. Досвиданія.

— Такъ это вѣрно? вы даете мнѣ честное слово, что исполните мою просьбу и что это будетъ величайшій секретъ?

— Вотъ вамъ моя рука; конечно секретъ, что вы это повторяете, я не сплетница!.... Досвиданія.

На другой день, въ пять часовъ, Александрина была уже въ кабинетѣ полковника, который ожидалъ ее съ сильнымъ нетерпѣніемъ. У подъѣзда стоялъ легкій фаэтонъ.

— Благодарю, милліонъ разъ благодарю за исполненіе слова; признаюсь, я сомнѣвался, что вы пріѣдете. Я боялся, что вы раздумаете и откажитесь исполнить мою просьбу.

— Вовсе нѣтъ: если я дала слово то и стараюсь его исполнить.

— Небудемъ же медлить, поѣдемъ. Уменя родилась мысль-отдать вамъ дитя до возраста...

— На это я не рѣшусь; вы знаете, у меня есть мать.

— Они вышли изъ кабинета, сѣли въ фаэтонъ и поѣхали на Старый Кіевъ. На Малой Владимірской улицѣ, у желтаго домика, фаэтонъ остановился. Полковникъ и Александрина быстро по лѣстницѣ вошли въ квартиру мадемуазели. Квартира эта состояла изъ небольшой, довольно бѣдно меблированной комнаты, раздѣленной старенькою ширмою, за которою въ постѣлѣ лежала родильница, а у ногъ ея дитя. — Я вамъ, мадамъ, до слова передаю разсказъ Александрины: — Родильница молодая особа, брюнетка, съ продолговатымъ, очень блѣднымъ лицемъ, довольно высокаго роста, замѣтно обрадовалась нашему появленію.

— Это моя сестра, — сказалъ полковникъ, рекомендуя меня родильницѣ. Она протянула мнѣ длинную, исхудавшую, тонкую и желтую какъ воскъ, руку; я ее пожала.

— Садитесь, — едва внятно произнесла родильница.

Я сѣла на стулѣ, полковникъ подошелъ къ из-

головью родильницы. Видимо было, что онъ желалъ скорѣе окончить дѣло. Онъ наклонился къ уху родильницы и шепнулъ ей нѣсколько словъ.

— Хорошо, — болѣзненно и равнодушно произнесла родильница. Потомъ обратилась ко мнѣ и сказала: братецъ вашъ такъ много говорилъ мнѣ объ васъ хорошаго, что я совершенно успокоилась на счетъ настоящаго случая.

— Я, сказывала моя Александрина, на эти слова родильницы не отвѣчала, но внутренно хохотала, что полковникъ назвалъ меня своею сестрою.

— Сестрица, возьмите младенца и вотъ вамъ адресъ дома и той особы, которая пріиметъ отъ васъ эту малютку. Возьмите эти сто рублей и дайте ихъ впередъ за содержаніе малютки. Ради Бога только скорѣе пріѣзжайте, такъ какъ мнѣ необходимо быть сегодня въ театрѣ, гдѣ я долженъ видѣться съ однимъ генераломъ, еще вначалѣ спектакля.

— Я, говорила Александрина, взяла дитя, вышла, сѣла въ фаэтонъ, который шибко помчался на Лыбедь.

Черезъ часъ, не ранѣе, Александрина возвратилась

въ квартиру роженицы. На столѣ уже стояли двѣ бутылки шампанскаго.

— Вотъ вамъ, братецъ, остальныя деньги: шестьдесятъ пять рублей. Повивальная бабка спросила только тридцать рублей и пять рублей для расходовъ на крещеніе. Дитя отдано, и я вижу по обстановкѣ, что присмотръ за малюткою будетъ хорошъ. Къ удивленію моему, акушерка знаетъ, что вы отецъ малютки.

— Это ничего незначитъ: я вполнѣ полагаюсь на эту личность.... сказали вы, что малютка не крещена?

— Да, сказала и акушерка тотъ часъ распорядилась заявить священнику; кажется, что сегодня же дитя будетъ окрещено и даже, по вашему желанію, усыновлено. Я очень жалѣю, что не спросила васъ, мадамъ, какое желали бы дать имя вашей дочери?..

— Это для меня безразлично.. безучастно и холодно отвѣтила родильница, но замѣтно было, что на глазахъ ея заблистали двѣ крупныя слезы. Эти слезы мнѣ подтвердили давнишнюю истину: какъ трудно матери разставаться съ своимъ дѣтищемъ.

— Выпьемъ шампанскаго, за здоровье моей сестры, за здоровье твое и новорожденной, — сказалъ полков-

никъ обратясь къ родильницѣ и, наливъ бокалы поднесъ намъ и мы, при пожеланіи ему генеральскаго чина, высшей должности и здоровья всѣхъ насъ, роспили шампанское. Чрезъ десять минутъ мы оставили родильницу въ самомъ смутномъ, скажу вѣрнѣе въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Полковникъ, въ угарѣ отъ шампанскаго, котораго пилъ много, поѣхалъ въ театръ, а я домой. Потомъ, мнѣ говорилъ полковникъ, что генералъ пенялъ его за то, что онъ заставилъ его ожидать, такъ какъ онъ пріѣхалъ почти въ концѣ спектакля. Его болѣе занималъ генералъ, нежели дитя его любви, впрочемъ, если тамъ была любовь а не случайность, которая сплошь и рядомъ цѣпляется за насъ. Не такъ ли мадамъ?

— Да, бываетъ...

Когда кончила Аманда разсказъ, Анета затряслась всѣмъ тѣломъ и внезапно бросилась въ ея объятія, обвила свои прекрасныя руки во кругъ ея шеи, и трепещущимъ голосомъ, сказала:

— Мадамъ, помогите мнѣ взять это дитя къ себѣ за родную дочь. Ради всего завѣтнаго и святаго для васъ, прошу, молю васъ, помогите мнѣ взять это дитя за

мою родную дочь. Мадамъ, неоткажите мнѣ въ этомъ несчастіи! я ни предъ какими жертвами для этого неостановлюсь!.. только, чтобы мой Августъ незналъ этого... мадамъ, неоткажите мнѣ въ этомъ!... умоляла Аннета, съ сильнымъ движеніемъ чувствъ.

Аманда, отъ удивленія, вовсе неожидая такой сцены, сдвинула плечами и хладнокровно произнесла:

— Мадамъ, не умоляйте такъ горяго: это дѣло самое легкое, скажу вамъ даже выгодное для акущерки, пріятное для полковника и родильницы. Вы принимаете малютку за свою родную дочь, чего же еще болѣе желать; съ удовольствіемъ, мадамъ, за это только вы мнѣ подарите бонбоньерку, pour la bonne bouche, въ рубль серебромъ, не болѣе.

— Ахъ, мадамъ!.. какъ мнѣ необходимо новорожденное дитя и именно дочь. Припомните мой первый разговоръ съ вами, когда на вопросъ вашъ: намѣрена ли я сдѣлать значительныя покупки на контракты, я отвѣчала, что въ Одессѣ покупала всѣ вещи по дешевой цѣнѣ, но что мнѣ необходимо пріобрѣсть одинъ предметъ, если только это будетъ возможно. Вы меня спросили какой и я сказала: да, это еще впереди. Теперь вамъ открою,

что этотъ предметъ — новорожденный младенецъ, женскаго пола. Это мое богатство, это мое счастіе, моя свѣтлая жизнь,—мой земной рай! Ради Бога умоляю васъ, неоткажите мнѣ въ содѣйствіи вашемъ. Что хотите требуйте отъ меня, только употребите всѣ мѣры, всѣ средства, чтобы я достала новорожденную малютку.

— Дня черезъ три вы ее получите. Помните только, что я отъ васъ за это нетребую никакихъ жертвъ, а прошу ничтожную, самую дешевую бонбоньерку, недороже рубля серебромъ, и то только pour la bonne bouche.

— Не шутите, мадамъ; я вамъ за дитя назначаю подарокъ въ три тысячи рублей...

— Ха, ха, ха... стоитъ ли это трехъ тысячъ!..

— Да, я вамъ выдамъ три тысячи... я очень хорошо понимаю, что подобное дѣло стоитъ....

— Ахъ, mon général! вы ужъ возвратились? — громко произнесла Аманда, увидѣвъ входящаго въ залу фонъ Бральмана.

— Къ услугамъ вашимъ, мадамъ, — весело сказалъ Августъ, раскланиваясь предъ Амандою.

— Что новаго?

— Пока, ничего.

— Однакоже?..

— Августъ, ты усталъ... скрывъ внутреннее волненіе, произнесла Аманда.

— Нѣтъ, мой другъ, но я въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи духа. Представь себѣ, Концацкій завезъ меня, почти насильно, къ себѣ на квартиру, гдѣ собралось до десяти человѣкъ пановъ и сто тысячь жидовъ. Концацкій заложилъ банкъ въ триста тысячь злотыхъ, далъ мнѣ сряду одиннадцать картъ, я выигралъ болѣе двадцати тысячь злотыхъ. Быть можетъ я продолжалъ бы игру, но предупредивши Концацкаго, что къ двумъ часамъ ты меня ожидаешь и что я немогу болѣе играть, я уѣхалъ съ выигрышемъ.

— Чтожь, это вещь очень обыкновенная. Панъ Концацкій ведетъ огромную игру: онъ выигрываетъ по нѣсколько сотъ тысячь злотыхъ и равнодушно проигрываетъ такую же сумму. Дѣло другое платить за обѣдъ въ отелѣ: ему подадутъ ничтожный счетъ и онъ придирчиво отстаиваетъ каждую копѣйку. Извѣстно, что самые богатые паны и магнаты, пріѣзжая въ Кіевъ, по своему обыкновенію, берутъ съ собою изъ деревень всякую всячину: жаркое, сало, пироги и этимъ запасомъ

кормятся во все продолженіе пребыванія своего въ Кіевѣ, проигрываютъ огромныя суммы, а двухъ трехъ рублей жалѣютъ издержать для себя и знакомыхъ на обѣдъ въ гостинницѣ; чтожъ, таковъ ужъ природній обычай панства:

— Поздравляю съ выигрышемъ. Ты можетъ быть отдохнешь?

— Нѣтъ, пойдемъ въ общую столовую, пообѣдаемъ, и потомъ я просилъ бы тебя поѣхать со мною въ магазинъ пана Пивонецкаго, посмотришь вещь, которую я желаю купить.

— Пожалуй, пойдёмъ обѣдать, — принужденно произнесла Аннета.

Августъ незамѣтилъ ея смущенія такъ рѣзко отражавшагося въ чертахъ ея лица.

— Мадамъ, вы неоткажете въ просьбѣ нашей: отобѣдать вмѣстѣ съ нами? — сказалъ фонъ Вральманъ.

— Съ удовольствіемъ, мой général, съ удовольствіемъ! съ пріятною улыбкою произнесла Аманда.

— Пойдемъ, время дорого.

Фонъ Вральманъ взялъ дамъ подъ руки и они пошли въ общую столовую.

